РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ
ОЧЕРКАХЪ

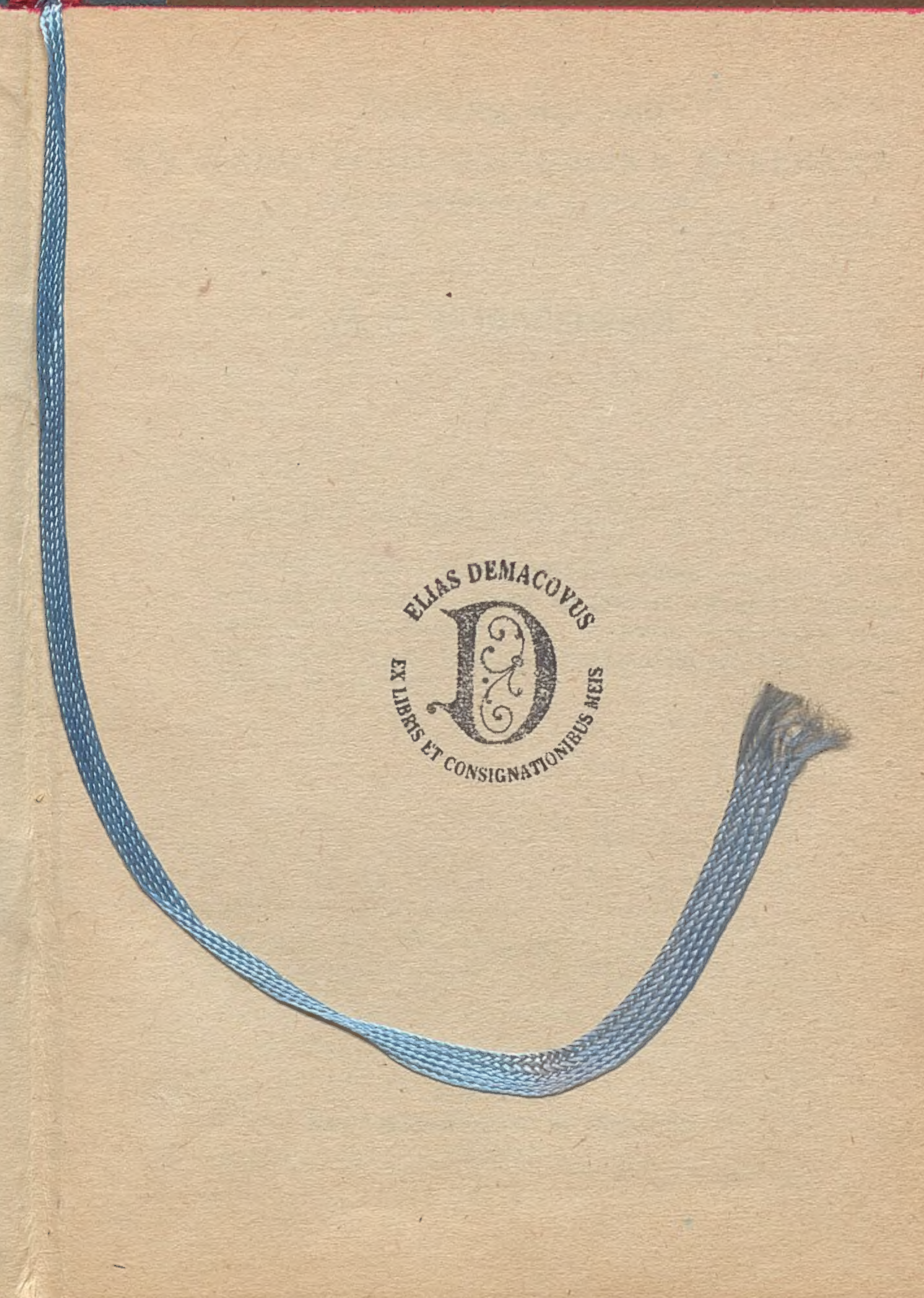
М. Н. КОВАЛЕНСКІЙ.

РУССКІЙ УЧЕНЫЙ XVIII ВѢКА.

Страницы изъ жизни ЛОМОНОСОВА.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
К. Ф. НЕКРАСОВА

А М

ELIAS DEMACOVUS
EX LIBRIS ET CONSIGNATIONIBUS MEIS

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ
подъ редакціей *В. Я. УЛАНОВА.*

М. Н. КОВАЛЕНСКІЙ.

„РУССКІЙ УЧЕНЫЙ XVIII ВѢКА“ М. Н. Коваленскаго.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки высшихъ начальныхъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Увѣдомленіе отъ 1-го сентября 1915 г., за № 10086)

МОСКВА.
Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.
MCMXV.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ
подъ редакціей *В. Я. УЛАНОВА.*

М. Н. КОВАЛЕНСКІЙ.

РУССКІЙ УЧЕНЫЙ XVIII ВѢКА.

Страницы изъ жизни ЛОМОНОСОВА.

Къ 150-лѣтнему юбилею.

МОСКВА.
Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.
MCMXV.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

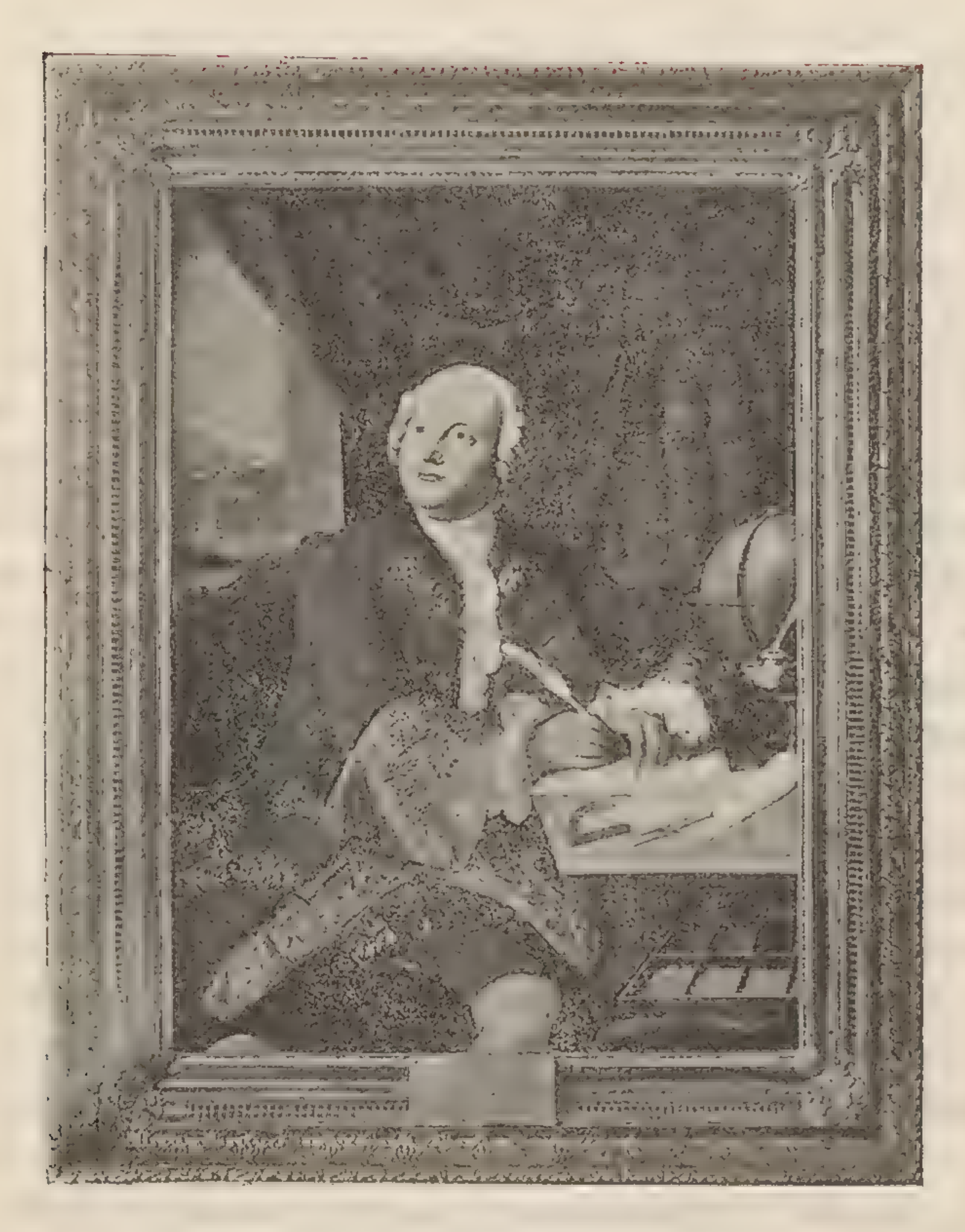
Брошюра: „Русскій ученый средины XVIII в.“ отчасти имѣетъ злободневный характеръ: она выходитъ въ годъ стопятидесятилѣтняго юбилея со смерти М. В. Ломоносова. Тема эта составляетъ только часть отдѣла „Русская наука XVIII в“. на ряду съ двумя другими очерками: „Академія Наукъ“ и „Ученыя изслѣдованія на мѣстахъ“; послѣдніе два очерка готовятся къ печати и выйдутъ одною книжкой, подъ общимъ названіемъ „Русская наука XVIII в.“.

Настоящая брошюра даетъ М. В. Ломоносова, какъ типичнаго ученаго эпохи: „страницы изъ жизни Ломоносова“ являются въ общемъ характерными страницами для ученыхъ того времени вообще и прежде всего ученыхъ русскихъ; тернистый путь, какимъ прошелъ Ломоносовъ отъ поморской деревни къ каѳедрѣ Академіи Наукъ, былъ во многомъ схожъ съ путемъ астраханскаго поповича Тредьяковскаго, а также Крашенникова, Барсова и др. академиковъ изъ русскихъ.

Энциклопедическая многогранность интересовъ и изслѣдованій М. В. Ломоносова была одинаково свойственна знаменитымъ его современникамъ, процвѣтавшимъ какъ въ русской академіи, такъ въ академіяхъ и университетахъ Зап. Европы. Даже совмѣщеніе занятій чистою наукой съ прислуживаніемъ двору, съ воскуреніемъ на алтарѣ науки фиміама предержащимъ властямъ и случайнымъ людямъ, самая возможность ученой дѣятельности въ зависимости отъ благоволѣнія фаворитовъ и вельможъ,—все это для Ломоносова было характерно не менѣе, чѣмъ для многихъ другихъ русскихъ академиковъ и даже такихъ міровыхъ свѣтилъ, какъ Вольтеръ, „стиравшій грязные платки" Фридриха Великаго.

Иллюстраціи къ брошюрѣ заимствованы отчасти изъ академическаго изданія сочиненій М. В. Ломоносова, отчасти изъ книги Б. Н. Меншуткина: „М. В. Ломоносовъ" и, наконецъ, изъ собранія иллюстрацій мастерской тѣневыхъ картинъ С. А. Баранова, готовящей серію тѣневыхъ картинъ примѣнительно къ настоящей брошюрѣ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЛОМОНОСОВА.

М. В. Ломоносовъ.
(Съ ориг. портрета масл. красками).

I.

ВРАТА УЧЕНОСТИ.

8 іюня 1741 г. вернулся въ Петербургъ моремъ изъ-за-границы учившійся тамъ съ 1736 г. студентъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и поселился въ Боновскомъ домѣ, принадлежавшемъ Академіи Наукъ; домъ этотъ находился на Васильевскомъ острову, и стоялъ на Малой Невѣ, недалеко отъ Тучкова моста, гдѣ былъ ботаническій садъ и академическій огородъ. Въ этомъ домѣ Ломоносову отведены были для жительства двѣ каморки. 8 января 1742 г. Ломоносовъ, по разсмотрѣніи и одобреніи его работъ профессорами, былъ назначенъ адьюнктомъ физическаго класса съ жалованіемъ на 360 р. въ годъ, включая въ то число квартиру, дрова и свѣчи. За 2 каморки въ казенномъ домѣ казна взыскивала съ Ломоносова изъ его жалованья по 1 р. въ мѣсяцъ за каждую каморку.

Такъ началась ученая дѣятельность Ломоносова, котораго Пушкинъ называлъ „первымъ русскимъ университетомъ“, Бѣлинскій считалъ „отцомъ новой нашей литературы“, а ученые нашихъ дней признаютъ первымъ русскимъ химикомъ и геологомъ,

„Менделѣевымъ XVIII вѣка“, опередившимъ не только русскую, но и западную науку на 50, на 100 и на 120 лѣтъ.

Лѣтъ за 10, за 12 до того никто не думалъ, чтобы изъ него могъ когда-либо выйти ученый. Сынъ простого, хотя зажиточнаго мужика, чорносошнаго крестьянина-помора, владѣвшаго своей землей въ устьяхъ Сѣв. Двины и рыбными промыслами на Мурманскомъ берегу, снаряжавшаго свои суда, Ломоносовъ готовился продолжать дѣло отца и съ юныхъ лѣтъ ходилъ съ нимъ въ море, за треской и за палтусиной.

Съ тѣхъ поръ и на всю жизнь запечатлѣлись въ его душѣ родныя картины,—безпорядочная куча

Денисовка, родина Ломоносова.

крестьянскихъ дворовъ Денисовки, разбросанныхъ надъ рѣкой, по крутому обрыву,—грозно вздымающіеся валы Бѣлаго моря,—загадочныя сѣверныя сіянія, и льды Сѣвернаго океана...,

Тамъ, на сѣверѣ, онъ долженъ былъ свить себѣ и свое гнѣздо,—отецъ чуть не женилъ его, - да и вообще „хорошіе люди, зная отца его достатки, дочерей своихъ за него предлагали выдать"; только нежеланіе молодого Ломоносова жениться спасло его тогда отъ семейныхъ путъ. Вмѣсто того, сѣлъ онъ за книжку учиться. Грамотѣ выучился онъ у мѣстнаго крестьянина сосѣда, и скоро сдѣлался лучшимъ чтецомъ на клиросѣ, такъ что другіе чтецы его даже бивали изъ зависти; старичкамъ, сидѣвшимъ въ трапезной, Ломоносовъ разсказывалъ своими словами житія святыхъ. А чего ему стоило достать первыя свѣтскія книжки, славянскую граматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго, которыя онъ увидѣлъ въ домѣ у одного сосѣда. Насилу удалось ему эти книжки выпросить. И уже послѣ этого онъ не разставался съ ними, всюду носилъ съ собой, и вытвердилъ ихъ наизусть. „Это были врата моей учености", говорилъ онъ позднѣе про эти книги. Но и читать ему не всегда можно было. Отецъ его былъ— „хотя по натурѣ добрый человѣкъ, однако, въ крайнемъ невѣжествѣ воспитанный", —а мачеха—„злая и завистливая": она „всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ,"— жаловался впослѣдствіи Ломоносовъ.

Отъ „вратъ учености“ потянуло его учиться дальше, за ворота родной деревни. Искать науки надо было въ Москвѣ, и Ломоносовъ ушелъ въ Москву. Онъ не бѣжалъ изъ дома тайкомъ,—отецъ отпустилъ его, волость выдала ему на годъ паспортъ; тѣмъ не менѣе, это было не легко устроить. У мужика сосѣда, обучавшаго его раньше грамотѣ, взялъ онъ на дорогу полукафтанъ китайчатый, да деньгами 3 рубля, и съ этимъ богатствомъ, и съ двумя книжками подъ мышкой, ушелъ въ Москву. Кафтанъ по пути пришлось заложить. Въ Москвѣ Ломоносовъ попалъ сперва въ школу на Сухареву башню, учился ариѳметикѣ; потомъ захотѣлъ учиться дальше, явился къ архіерею, прикинулся дворянскимъ сыномъ, чтобы приняли въ Спасскія школы (въ Заиконоспасское Училище, то-есть въ Славяно-Греко-Латинскую Академію); хорошо, что архіерей повѣрилъ... – Здѣсь пробылъ онъ 5 лѣтъ, въ страшной бѣдности: „имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день болѣе, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды.“ Пришлось быть въ томъ же монастырѣ пономаремъ; да знакомый купецъ съ Поморья, бывая въ Москвѣ по дѣламъ, навѣщалъ Ломоносова и ссужалъ его деньгами взаймы. Но не одна бѣдность была тяжела въ Спасскихъ школахъ: учиться надо было на ряду съ дѣтьми. „Школьники малые ребята кричатъ, и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ

учиться“—жаловался Ломоносовъ. А отецъ въ то же время винилъ сына, что онъ его „одного оставилъ, оставилъ все довольство, какое онъ для сына кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія руки расхитятъ." Однимъ словомъ, „обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли“. Но ничто, ни даже крайняя бѣдность, „его отъ наукъ отвратить не умѣло“.

„Ворота учености“ раскрылись шире, когда Ломоносова съ 11 другими учениками Спасскихъ школъ отправили въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, „у профессоровъ слушать лекціи и въ вышнихъ наукахъ происходить“, а оттуда съ двумя товарищами—еще дальше, за границу, въ ученую Германію, учиться химіи и горному дѣлу; Академіи нужны были знающіе люди для ученаго изслѣдованія Сибири. Въ инструкціи, данной Ломоносову и его товарищамъ, имъ предписывалось: „ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а притомъ учиться и естественной исторіи, физикѣ, геометріи и тригонометріи, механикѣ, гидравликѣ и гидротехникѣ“; „положивши основаніе въ теоріи,“ упражняться также и на практикѣ: осматривать рудокопныя мѣста, „различныя свойства горъ и рудъ, работу, машины и строенія примѣчать,“ и „въ лабораторіяхъ при отдѣленіи рудъ трудиться, и вездѣ на практикѣ ничего не пренебрегать, чѣмъ свое знаніе въ химіи

и въ горныхъ дѣлахъ въ возможное совершенство привести можно",—„а также научиться иностраннымъ языкамъ, латинскому, французскому и нѣмецкому, чтобы они ими свободно говорить и писать могли", и сверхъ того еще рисованію. Вообще молодые люди должны были „о продолженіи своихъ наукъ наилучше стараться," „и во всѣхъ мѣстахъ показывать пристойные нравы и поступки".

Первые три года русскіе студенты провели въ Марбургѣ, у извѣстнаго ученаго Христіана Вольфа. У Вольфа слушали философію, физику и механику, а у проф. Дуйзинга—спеціально обучались химіи. Здѣсь нашелъ, наконецъ, Ломоносовъ то, чего искалъ: здѣсь онъ познакомился съ европейскою наукой, впиталъ въ себя ея духъ, усвоилъ ея начала. И Вольфъ въ своихъ доношеніяхъ въ Академію рано сталъ выдѣлять Ломоносова, говоря, что у него „самая свѣтлая голова", и что онъ „съ особенною любовью старался пріобрѣтать основательныя познанія". „Нисколько не сомнѣваюсь, писалъ Вольфъ, что, если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то современемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю". На содержаніе за-границей студентамъ было положено по 300 р. въ годъ на каждаго; послѣ Ломоносовъ жаловался, что деньги эти высылались имъ очень неаккуратно, и отъ этого студенты „претерпѣвали нужду и впали въ долги". А Вольфъ съ своей стороны жаловался въ Акаде-

мію, что студенты, и въ томъ числѣ Ломоносовъ, „деньги, привезенныя съ собою, прокутили, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ,“—„черезчуръ предавались разгульной жизни“. Академія должна была расплачиваться за ихъ долги. Впрочемъ Ломоносовъ понемногу исправился, и „начиналъ принимать болѣе кроткіе нравы“, а разставаясь съ Вольфомъ, „отъ горя и слезъ не могъ промолвить слова“, такъ ему было стыдно...

Послѣ Марбурга студенты отправились во Фрейбергъ, къ горному совѣтнику Генкелю, учиться металлургіи. Здѣсь Ломоносовъ пробылъ меньше года, но успѣлъ многому научиться. Генкель раскрылъ передъ нимъ все богатство своихъ знаній, и занималъ его по цѣлымъ днямъ въ своей лабораторіи;—подъ руководствомъ того же профессора, онъ посѣщалъ Фрейбергскіе рудники и горные заводы, всегда славившіеся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, кромѣ того самъ работалъ въ рудникахъ. Вообще Генкель принесъ Ломоносову большую пользу, и впослѣдствіи онъ, самъ сдѣлавшись профессоромъ, „показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Генкеля“. Однако, и здѣсь началось скоро тоже, что было въ Марбургѣ: пьянство, кутежи, драки и буйства въ винныхъ погребкахъ и т. п.; денегъ опять не хватало, къ тому же Генкелю было велѣно выдавать студентамъ меньше и слѣдить за ихъ тратами больше;—въ концѣ концовъ молодой студентъ, послѣ ряда столкновеній съ учителемъ, не выдер-

жалъ и ушелъ отъ Генкеля. Но ушелъ онъ отъ него, достигнувъ уже большихъ результатовъ,—самъ Генкель считалъ, что Ломоносовъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ химіи, металлургіи и можетъ преподавать основательно механику...

Съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ разстался съ Генкелемъ, начались для него мытарства. Онъ то ѣздилъ по городамъ, въ поискахъ русскаго посла, чтобы добыть отъ него денегъ, то искалъ случая уѣхать моремъ назадъ въ Россію, то сидѣлъ въ Марбургѣ и прилежно учился алгебрѣ, или осматривалъ въ Гессенѣ и Зигенѣ рудники. Одно время онъ даже попалъ въ руки прусскихъ вербовщиковъ солдатъ; есть разсказъ о его бѣгствѣ изъ прусской крѣпости Везеля.... Наконецъ, Ломоносову приказали возвращаться въ Россію, и прислали ему сто рублей на дорогу.

Теперь все это было позади, годы ученія кончились... „Врата учености" во всю ширь раскрылись передъ молодымъ поморомъ; возврата назадъ, къ мужицкой жизни и къ рыбнымъ промысламъ, больше не было. Начиналась жизнь для науки, для просвѣщенія. Тотчасъ по возвращеніи изъ-за-границы, а можетъ быть, еще и за границей,—въ 1741 г.,—Ломоносовъ занялся уже составленіемъ перваго своего курса лекцій, для чтенія въ Академіи Наукъ. Въ этомъ курсѣ онъ хотѣлъ говорить объ „Элементахъ математической химіи". Сохранилось латинское введеніе въ этотъ курсъ; въ немъ говорится о важно-

сти для изученія химіи знанія математики. „Какой свѣтъ могъ бы пролить въ наукѣ посвященный въ

Христіанъ Вольфъ (1679—1754 г.).

тайны математики, хорошо видно уже по нѣкоторымъ главамъ естественныхъ наукъ, обработанныхъ ма-

тематически, какъ гидравлика, аэрометрія, оптика и др.; все, что было въ этихъ наукахъ темно, сомнительно и невѣрно, математика сдѣлала яснымъ, вѣрнымъ и очевиднымъ. Если бы тѣ, которые всѣ свои дни затемняютъ дымомъ и сажей, въ мозгѣ которыхъ царствуетъ хаосъ отъ массы непродуманныхъ опытовъ, не гнушались поучиться священнымъ законамъ геометровъ, нѣкогда строго соблюдавшимся Евклидомъ и недавно усовершенствованнымъ Вольфомъ, то, несомнѣнно, могли бы глубже проникнуть въ тайники природы". Ломоносовъ и собирался построить свой курсъ химіи, основывая его на математикѣ; это было вліяніе Вольфа.

Передъ Ломоносовымъ открывались еще и другіе пути. Съ раннихъ лѣтъ онъ пристрастился къ литературѣ, и самъ научился писать стихи. Еще студентомъ духовной академіи, въ Спасскихъ школахъ въ Москвѣ, онъ уже сочинилъ первые свои, дошедшіе до насъ, стихи—о мухахъ:

„Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ, плачутъ убоги;
Меду полизали,
А сами пропали".

И учитель, тогдашній учитель Ломоносова, одобрилъ эти стихи, и написалъ съ боку, въ той же тетради, латинское слово: „Pulchre“ (т.-е. красиво). И заграницей Ломоносовъ переводилъ стихами Фенелона въ доказательство своихъ познаній во французскомъ и русскомъ языкѣ, писалъ оду на взятіе Хотина...

Одновременно онъ занимался вопросами, связанными съ литературой. За-границу съ собой онъ взялъ книгу Тредьяковскаго — „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“,—1735 г. Тредьяковскій предлагалъ въ этой книгѣ новый, тоническій размѣръ для русскаго стихосложенія, тотъ самый размѣръ, который затѣмъ и утвердился въ русской литературѣ;—введеніе новаго размѣра было заслугой Тредьяковскаго, хотя онъ самъ не умѣлъ еще имъ, какъ слѣдуетъ, пользоваться. Ломоносовъ тщательно изучилъ его книжку и испещрилъ ея поля своими замѣчаніями; въ результатѣ у Ломоносова сложилась своя теорія стихосложенія, тоже тоническаго, но съ нѣкоторыми отличіями отъ Тредьяковскаго. Мысли свои объ этомъ въ томъ же 1739 г. изложилъ онъ въ отдѣльной статьѣ, и подъ заглавіемъ: „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“ послалъ въ Петербургъ, въ Россійское Собраніе при Академіи, занимавшееся „исправленіемъ языка русскаго“,—вмѣстѣ съ одой на взятіе Хотина.

На это письмо Ломоносова, Тредьяковскій разразился такимъ яростнымъ отвѣтомъ, что сами академики, ознакомившись съ нимъ, нашли невозмож-

нымъ посылать его Ломоносову,—до того оно было „учеными ссорами наполнено".

Вернувшись въ Россію, Ломоносовъ продолжалъ не только писать стихи, но и заниматься вопросами литературы и поэзіи. Въ августѣ 1743 г. онъ принялъ участіе въ интересномъ состязаніи поэтовъ, на ряду съ другими поэтами той эпохи, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Между ними возникъ споръ о достоинствахъ ямба и хорея. Одинъ изъ нихъ (это былъ Ломоносовъ) стоялъ за ямбъ, говоря, что эта стопа „высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится снизу вверхъ, отъ чего всякому слышна высокость ея и великолѣпіе". Другой, Тредьяковскій, „прекословилъ сему, и предлагалъ, что никоторая изъ сихъ стопъ сама собою не имѣетъ благородства и нѣжности, но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе". Сумароковъ поддерживалъ Ломоносова. „Чтобы рѣшить споръ, три поэта согласились „сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторой высокой родъ стихотворенія, а именно оду, а для сего выбрать одинъ псаломъ изъ Псалтыря,—и написать ее одному хореями, а двумъ другимъ ямбами,— „черезъ сіе тотчасъ объявится, имѣетъ ли хорей при нѣжности высокость, а іамбъ при высокости нѣжность". Псаломъ былъ выбранъ 143, и три оды сочинены и выпущены въ свѣтъ, причемъ, кто именно написалъ какую оду,—объявлено не было: „которой изъ нихъ которую оду сочинилъ, о томъ

умалчивается; знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода чрезъ котораго сложена".

Вотъ какъ начинается ода вторая хореическая — Тредьяковскаго:

Крѣпкій, чудный, безконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
Боже! Ты одинъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна окруженъ
Симъ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ зарями,
О! будь ввѣкъ благословенъ.

Ода первая іамбическая Сумарокова:

Благословенъ Творецъ вселенны,
Которымъ днесь я ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ Тебѣ надежду правитъ;
Твоя рука меня прославитъ.

И, наконецъ — третья ода іамбическая Ломоносова:

Благословенъ Господь мой Богъ
Мою десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый,
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.

Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ и Милость и Отрада,
Надежда въ брани и Ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.

---

* 3 *

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Бесчисленныя тьмы новыхъ звѣздъ
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности [illegible] небесъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ Солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
~~[illegible]~~ Когда взошла луна въ ночи!

Снимокъ съ черновой рукописи оды Ломоносова:
„О ты, что въ горести напрасно“..

Такъ и въ поэзіи, и въ наукѣ Ломоносовъ становился крупной величиной. Въ немъ выростали большой поэтъ и большой ученый. Иной разъ поэтъ и ученый сливались вмѣстѣ, и Ломоносовъ создавалъ такой шедевръ, какъ „Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“. Это совершенно самостоятельное произведеніе Ломоносова, въ которомъ у него не было образца, написано имъ въ 1743 г., въ первые годы по возвращеніи изъ-за-границы; оно считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Картина звѣзднаго неба наводитъ автора на философскія мысли о величіи мірозданія, о ничтожествѣ человѣка, исчезающаго, какъ песчинка, въ этой звѣздной безднѣ. А между тѣмъ —

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ...

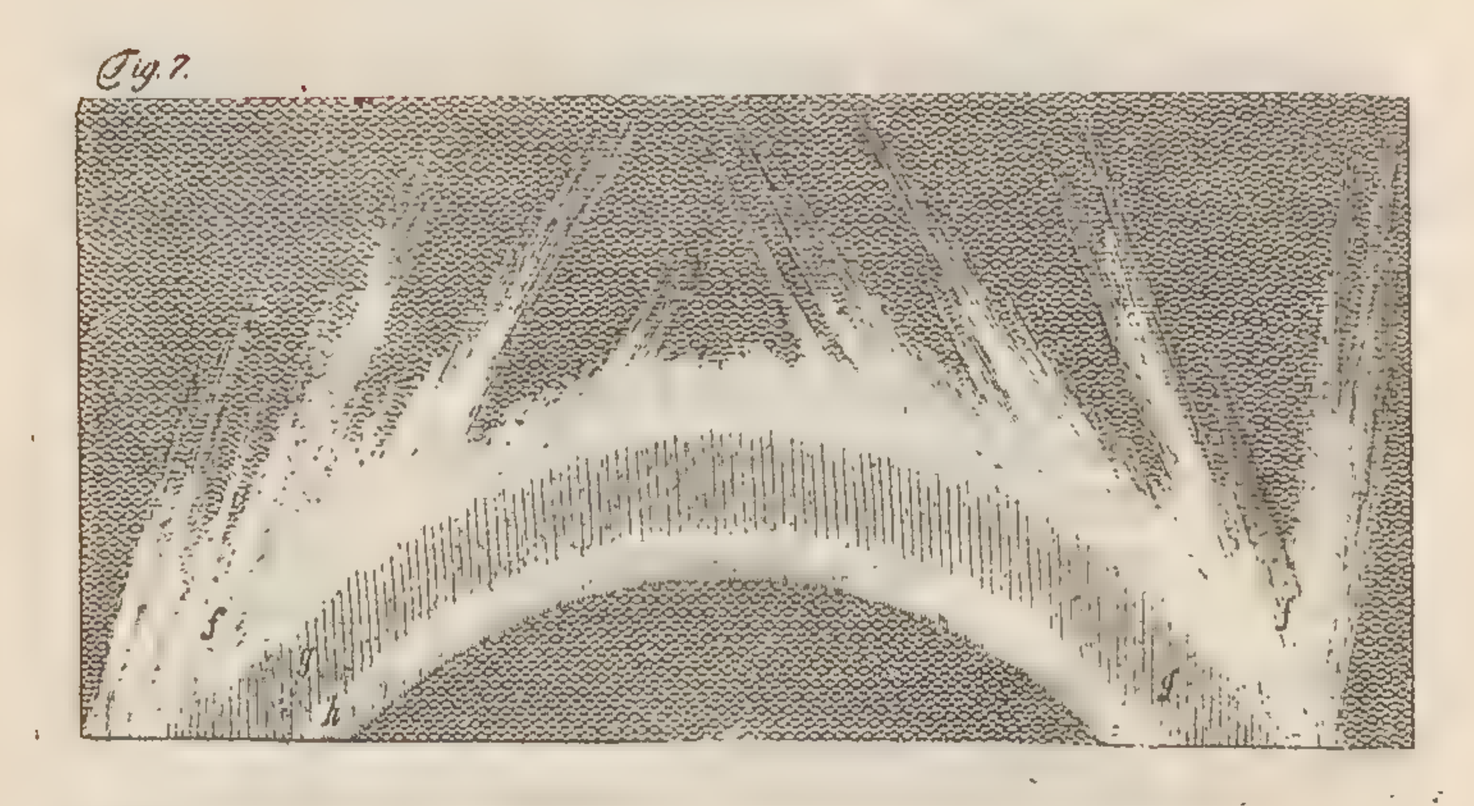
Звѣздное небо поражаетъ воображеніе; но что же сказать о сѣверномъ сіяніи?

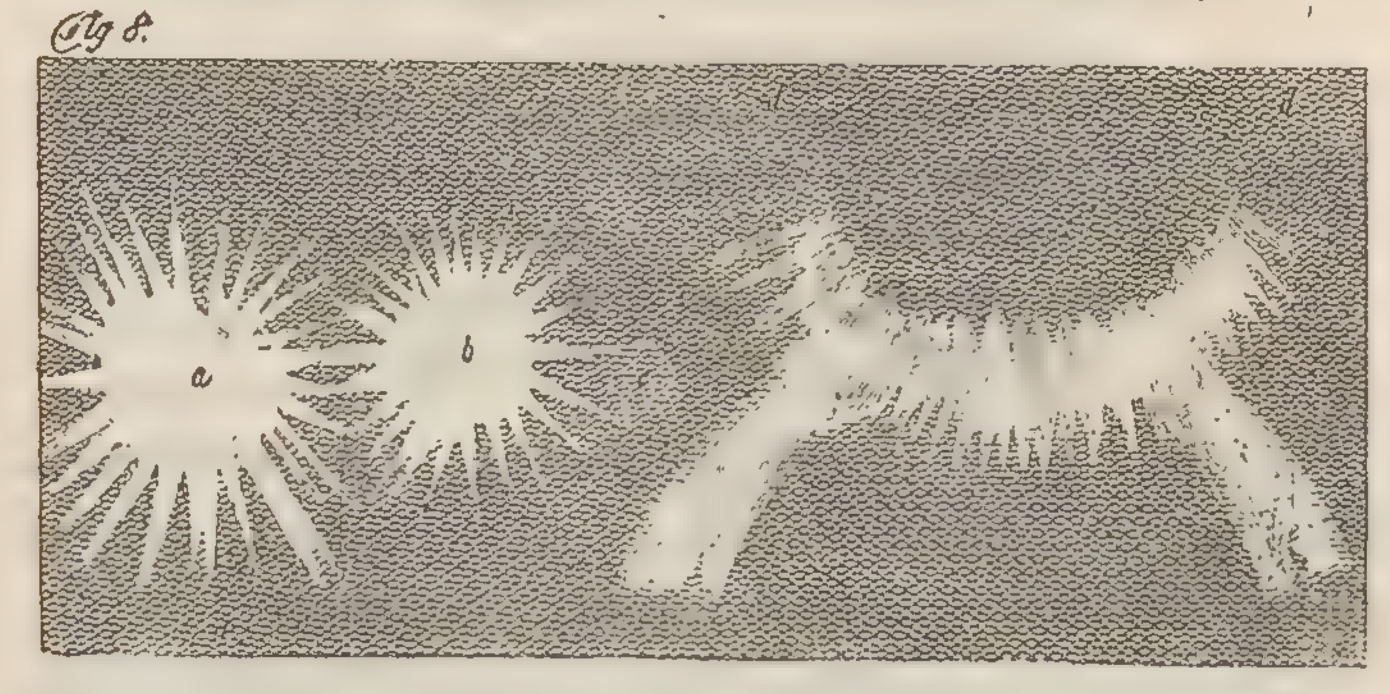
Но гдѣ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря? *)
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

Авторъ обращается къ ученымъ, „знающимъ пути планетъ“, и перебираетъ теоріи, какимъ въ его время объясняли явленіе сѣвернаго сіянія:

*) Одно изъ объясненій сѣвернаго сіянія состояло въ томъ, будто оно является отраженіемъ отъ льдинъ падающихъ на нихъ лучей.

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь во духъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

Изображеніе Сѣвернаго сіянія по рисунку Ломоносова.

Въ другомъ такомъ же „Размышленіи“,—Утреннемъ, Ломоносовъ даетъ картину солнца, „пресвѣтлой лампады, возжженной Богомъ для нашихъ повседневныхъ дѣлъ“, и поражается величіемъ „сея великія громады“. И въ этой картинѣ солнца—Ломоносовъ такъ описываетъ его дѣятельность, „какъ будто бы дѣйствительно видѣлъ ее“—говоритъ проф. Меньшуткинъ: „между тѣмъ, здѣсь описаны тѣ явленія, которыя были изучены послѣ изобрѣтенія спектроскопа, (1860), и носятъ названіе протуберанцевъ, огненныхъ дождей и т. д....“

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возрѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ...

—

Какъ самоцвѣтный камень, сверкалъ и искрился Ломоносовъ въ созданіяхъ своей мысли, своего искусства,—какъ алмазъ, шлифованный и граненый лучшимъ мастеромъ. Но оправа, въ которую вставила его жизнь, наша россійская жизнь XVIII вѣка,

мало годилась для этого алмаза. Поэтъ, въ душѣ котораго звучали уже струны Вечерняго размышленія, долженъ былъ размѣниваться на оды къ придворнымъ торжествамъ, такъ же необходимыя для нихъ, какъ фейерверки и иллюминаціи, эмблемы и транспаранты. И сколько такихъ одъ пришлось написать Ломоносову!

Но Ломоносовъ не только поэтъ, онъ также ученый. А вотъ какъ обставлена его научная работа. Въ іюнѣ 1743 г. Ломоносовъ просилъ Академію устроить ему для занятій химическую лабораторію. „Понеже я, нижайшій, въ состояніи нахожусь не токмо химическіе эксперименты для приращенія натуральной науки въ Россійской имперіи въ дѣйство производить, и о томъ журналы и разсужденія на россійскомъ и латинскомъ языкѣ сочинять, но при томъ еще могу другихъ обучать физикѣ, химіи и натуральной (естественной) минеральной исторіи, и того ради имѣю я, нижайшій, усердное и искреннее желаніе наукою моею отечеству пользу чинить, въ химическихъ трудахъ безпрестанно упражняться, и какъ химической практикѣ, такъ и теоріи, съ присоединеніемъ физики и натуральной минеральной исторіи, другихъ желающихъ обучать для того, чтобы на мое обученіе въ Германіи издержанная Ея Имп. В-ва сумма и мои въ томъ положенные труды напрасно не потерялись. И еслибъ въ моей возможности было, чтобъ мнѣ, нижайшему, на моемъ коштѣ лабораторію имѣть и химическіе процессы въ дѣй

ствіе производить можно было, то бы я, нижайшій, Академіи наукъ утруждать не дерзалъ"; но такъ какъ это не возможно, то Ломоносовъ проситъ—„дабы повелѣно было при Академіи наукъ, изъ академической суммы, учредить химическую лабораторію, и оную мнѣ, нижайшему съ принадлежащими къ этому инструментами и матеріалами поручить."... Въ отвѣтъ на это прошеніе, канцелярія Академіи отвѣчала: „Адъюнкту Ломоносову отказать, что, за неимѣніемъ при Академіи денегъ, по сему его доношенію ничего сдѣлать не можно".

Въ Академіи былъ адъюнктъ химіи, но не было и не могло быть химической лабораторіи. Въ сущности говоря, не могло быть и самого адъюнкта химіи. Въ томъ же прошеніи о лабораторіи Ломоносовъ заявлялъ о своей готовности устроить лабораторію на свой счетъ, еслибы только это было возможно; но изъ *его же* словъ оказывалось, что онъ этого сдѣлать не можетъ, „понеже отъ долговременнаго удержанія жалованья въ крайнюю скудость и почти въ неоплатные долги пришелъ;—для того не токмо лабораторіи и къ тому надлежащихъ инструментовъ и матеріаловъ завесть мнѣ не возможно, но съ великою нуждою мое пропитаніе имѣю". Мѣсяцъ спустя, въ іюлѣ того же 1743 г., Ломоносовъ просилъ выдать ему недоданное жалованье за 1742 годъ, хотя бы за два мѣсяца, такъ какъ онъ получилъ за прошлый годъ только за двѣ трети года,—и это все разошлось на уплату долговъ; но Академія могла

выдать ему, по этому прошенію, всего 10 р. Въ августѣ Ломоносовъ опять вынужденъ былъ просить объ уплатѣ заслуженнаго имъ жалованья за сентябрьскую треть 1742 и почти за двѣ трети 1743 г.: „И такъ почти за цѣлый годъ—писалъ онъ—я, нижайшій, жалованья отъ Академіи не получалъ, и отъ того пришелъ въ крайнюю скудость! А нынѣ я, нижайшій, нахожусь боленъ, и при томъ не токмо лѣкарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю и денегъ взаймы достать не могу.“ 9 сентября Академія распорядилась: выдать Ломоносову, за неимѣніемъ въ казнѣ денегъ, пять рублей. Въ ноябрѣ Ломоносовъ, очевидно, снова просилъ о деньгахъ; на этотъ разъ въ казнѣ не нашлось и пяти рублей деньгами, и ему выдали „для его пропитанія“, въ счетъ жалованья... академическихъ изданій на 80 руб. Это было, впрочемъ, тогда обычное дѣло, и не одному Ломоносову приходилось получать жалованье книгами.

Понятно, какъ все это должно было дѣйствовать на Ломоносова, какъ должно было выбивать его изъ колеи, нарушать его умственную работу, мѣшать его творчеству, нарушать душевное его равновѣсіе. Неизбѣжнымъ утѣшеніемъ во всѣхъ невзгодахъ служила обычная спутница русской жизни—рюмка. А Ломоносовъ привыкъ прибѣгать къ ней еще въ студенческіе свои годы, въ погребкахъ Марбурга и Фрейберга. Подъ вліяніемъ рюмки въ немъ легко получали ходъ грубыя стихіи его души, легко про-

буждался и разнуздывался простой мужикъ, да еще пьяный. Тяжело читать тѣ страницы, на которыхъ записаны эти пьяные подвиги Ломоносова, но миновать ихъ все же нельзя; они накладываютъ характерныя тѣни на всю картину русской культуры XVIII вѣка.

26 сентября 1742 г. подалъ объявленіе въ полицеймейстерскую канцелярію садовникъ Академіи Наукъ, нѣмецъ Іоганъ Штурмъ, проживавшій въ томъ же домѣ, гдѣ и Ломоносовъ, и въ объявленіи этомъ писалъ: „сего сентября 26 дня въ 7 часу пополудни пришелъ адьюнктъ Михайла Ломоносовъ незнаемо съ какого умыслу въ сѣни и былъ у служанки моей. Потомъ пришелъ ко мнѣ въ горницу и говорилъ, какіе нечестивые гости у меня сидятъ, что епанчу его украли;—на что ему отвѣтствовалъ бывшій у меня въ гостахъ Ингерманландскаго пѣхотнаго полку лекарь Брашке, что ему Ломоносову непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ; за что онъ его въ голову ударилъ, и схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и началъ всѣхъ бить, и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти; и выскочилъ я изъ окна и началъ караулъ звать; и пришедъ я назадъ, засталъ гостей своихъ на улицѣ битыхъ, и жену свою прибитую, которая беременна и ходитъ на сносехъ, выскочила отъ бою его Ломоносова также изъ окошка и лежитъ больна. А тесть мой—раненъ въ руку и битъ до полусмерти. Также бывшій у меня въ гостяхъ бухгалтеръ, ко-

торой такожъ лежитъ отъ бою ево при смерти въ домѣ своемъ. И разбивъ зеркало и двери шпагою рубилъ, жену мою называлъ... и похвалялся всѣхъ бить до смерти.“ По этому объявленію всѣмъ потерпѣвшимъ на съѣзжемъ дворѣ учиненъ былъ медицинскій осмотръ, и оказалось, что „у кого рука разбита до кости и рана имѣется, и нога выше колѣна бита и синевата; у кого глазъ подбитъ и плечи биты и синеваты, у кого скула ссажена и вспухла, у рубахи воротъ разорванъ и въ правомъ ухѣ одной серьги серебряной нѣтъ“. А когда потребовали къ отвѣту Ломоносова, то и у него оказались слѣды пьяной драки: „почти всѣ члены болятъ, въ груди ломъ и плюетъ кровью, лѣвое колѣно совсѣмъ распухло, такъ что тою ногою ни ступить, ни ходить не можетъ, на брюхѣ на лѣвую сторону рубецъ,— въ томъ мѣстѣ рублено шпагою, на правой рукѣ на ладони рубецъ, и при томъ припухлый и синей глазъ“.

Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно, а черезъ 6 мѣсяцевъ оказалось, что у того же Штурма Ломоносовъ взялъ 65 р. изъ церковныхъ денегъ (онъ былъ староста при нѣмецкой церкви) взаймы.

Въ другой разъ Ломоносовъ пришелъ пьяный въ Академію. Это было 26 апрѣля 1743 г. Онъ взошелъ, не снимая шляпы, прямо въ залу конференціи, гдѣ занимался съ двумя канцеляристами одинъ изъ профессоровъ, нѣмецъ Винцгеймъ, и проходя мимо него, сдѣлалъ ему непристойный

знакъ изъ пальцевъ, потомъ прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ работали студенты, и кричалъ и бранилъ Винцгейма, говоря: „што де онъ вить капитанъ, и я де капитанъ, я де календарь и самъ де сочиню не хуже ево", — „на что сталъ ему адьюнктъ Трескоттъ говоритъ, что то де худо кричать здѣсь, да еще при томъ въ шляпѣ. — А ты де што за человѣкъ? закричалъ Ломоносовъ: ты де адьюнктъ? кто де тебя сдѣлалъ? - Шумахеръ! говори со мною по латинѣ. Трескоттъ отвѣтствовалъ: я не умѣю,—на что Ломоносовъ: ты де дрянь, никуда не годишься, и не достойно произведенъ,—и при томъ бранилъ Шумахера и воромъ называлъ и прочихъ г.г. профессоровъ такъ же бранивалъ." А адьюнктъ Трескоттъ еще показывалъ, что Ломоносовъ бранился непечатными словами и Винцгейму грозилъ „поправить всѣ зубы". Когда Винцгеймъ пригрозилъ ему протоколомъ, Ломоносовъ отвѣчалъ на это: „да, да, пишите, я столько же смыслю, сколько профессоръ, а притомъ же я природный русскій." Тогда Ломоносова привлекли за оскорбленіе академиковъ къ отвѣту, но онъ не пожелалъ давать отвѣта. Слѣдственная комиссія вышла, наконецъ, изъ себя и посадила его подъ караулъ—28 мая 1743 г.

Такъ до января 1744 г. и просидѣлъ Ломоносовъ подъ арестомъ, тщетно прося, чтобы его освободили: „содержусь подъ арестомъ и по сіе число, отлученъ будучи отъ наукъ, а особливо отъ сочиненія полезныхъ книгъ и отъ чтенія публичныхъ лекцій. Отъ

сего случая не токмо искренняя моя ревность къ наукамъ приходитъ въ упадокъ, но и то время, въ которое бы я, нижайшій, другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно; и отъ меня никакой пользы отечеству не происходитъ; ибо я, нижайшій, нахожусь отъ сего напраснаго нападенія въ крайнемъ огорченіи." Пробовали добиться его освобожденія пріятели, но также безуспѣшно. Наконецъ, 18 января состоялся въ сенатѣ приговоръ: хотя надлежало Ломоносову—„за таковые неучтивые, безчестные и противные поступки учинить наказаніе, - приказали (однако): онаго адьюнкта Ломоносова для ево довольнаго обученія отъ наказанія освободить, а въ объявленныхъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія, да жалованья давать ему годъ по окладу его половинное."

27 января 1744 г. состоялась заключительная сцена въ Академіи: Ломоносовъ при всей конференціи просилъ у профессоровъ прощенія. А 4 февраля того же года у Ломоносова вышла уже новая драка: придя въ гости къ своему товарищу по московской школѣ Голубцову, Ломоносовъ ударилъ его въ лицо шандаломъ (подсвѣчникомъ), „отъ чего воспослѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удару язва, такъ что нынѣ публично выдти не можетъ." „Это послѣдняя вспышка молодости Ломоносова" – замѣчаетъ издатель матеріаловъ для его біографіи Билярскій...

Пока шла эта борьба,—судьба подарила Ломоносова еще однимъ неожиданнымъ событіемъ. У него

объявилась въ Германіи жена Оказалось, что еще въ 1740 г., будучи студентомъ въ Марбургѣ, Ломоносовъ женился на нѣмкѣ Елизаветѣ Цильхъ. Вернулся онъ въ Россію безъ жены, и никто не думалъ, чтобы онъ былъ женатъ; но теперь жена разыскала его черезъ русское посольство, и Ломоносовъ долженъ былъ выписать ее къ себѣ. „Правда, правда", говорилъ онъ при этомъ. „Боже мой: я никогда не покидалъ ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мнѣ до сихъ поръ писать къ ней и еще менѣе вызвать ее къ себѣ. Но пусть она пріѣдетъ, когда хочетъ..."

Неясно только, когда именно она пріѣхала, и сидѣлъ ли тогда Ломоносовъ все еще подъ арестомъ, или уже былъ отпущенъ...

II.

МАСТЕРСКАЯ УЧЕНАГО.

Перевернемъ нѣсколько страницъ, и взглянемъ на Ломоносова въ 50-е годы XVIII вѣка. Это годы, когда онъ создавалъ свою химическую лабораторію, создавалъ русскую мозаику, создавалъ московскій университетъ. Сильно долженъ онъ былъ вырости за эти годы. Измѣнилось многое и въ условіяхъ его жизни, въ самой судьбѣ его.

Съ 1745 г. Ломоносовъ—профессоръ химіи. Лѣтомъ 1746 г. онъ читаетъ, по назначенію новаго президента Академіи, гр. Разумовскаго, „о физикѣ экспериментальной публичныя лекціи",—первыя на Руси лекціи на русскомъ (а не на латинскомъ и нѣмецкомъ) языкѣ. Лекціи имѣютъ большой успѣхъ,—на нихъ собираются многочисленные „воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушатели", присутствуетъ „и самъ г. президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными особами". Лекціи начались 20 іюня, но продолжались недолго,—къ 1-му іюля онѣ прекратились, такъ какъ президентъ уѣхалъ изъ Петербурга...

Раньше, съ самаго возвращенія изъ-за-границы, Ломоносовъ жилъ въ двухъ-рублевыхъ каморкахъ въ казенномъ Боновскомъ домѣ,—весь же домъ былъ занятъ ботаникомъ Зигесбекомъ. Съ 1747 г. Зигесбекъ ушелъ, и весь Боновскій домъ былъ отданъ для житья Ломоносову съ его семьей. Это былъ большой, въ 17 саженъ длины и 8 ширины, деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ, съ 7 погребами внизу, подъ сводами, съ гонтовой кровлей, съ рѣзными слуховыми окнами на верху, съ рѣзными карнизами, съ фигурнымъ фронтисписомъ, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, съ живописными, бѣлыми, зелеными кафельными печами внутри; въ домѣ было всего 10 комнатъ, кухня, трое сѣней. Три горницы были оклеены шпалерами (обоями). Тутъ же, въ Ботаническомъ саду Академіи, на мѣстѣ

Часть дома Ломоносова съ приспособленіями для электрическихъ опытовъ.

прежнихъ конюшни, сарая и ледника, была, наконецъ, выстроена, въ 1748 году, химическая лабораторія, въ которой такъ нуждался Ломоносовъ, о которой онъ столько разъ просилъ. Лабораторія была сооружена иждивеніемъ Императрицы. Она стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается Римско-Католическая Академія,—на Вас. Островѣ, 2 линія, за Среднимъ проспектомъ. Это была первая научная химическая лабораторія въ Россіи. Ее нельзя сравнивать съ тѣми дворцами, какіе теперь возводятся для науки, она была очень скромныхъ размѣровъ, всего въ 6 саженъ длины и 4 саж. ширины; постройка ея обошлась меньше $1^{1}/_{2}$ тыс. руб. на тогдашнія деньги. Выстроена она была изъ кирпича, для безопасности отъ пожара, и выведена сводомъ. Вся „хоромина“ раздѣлялась на двѣ половины,—въ одной устроена была сама лабораторія, съ 9 печами,—плавильными, пробирными, и иными, съ кожухомъ и дымовой трубой на 4 столбахъ, въ другой шкапы для храненія посуды, матеріаловъ и химическихъ продуктовъ; полки для нужныхъ книгъ; столъ для записи опытовъ и для храненія мелкихъ инструментовъ; тутъ же—камера для чтенія лекцій студентамъ; для зимняго времени тутъ стояла особая печь, для согрѣванія. Печей для научныхъ работъ было устроено 9, и Ломоносовъ считалъ, что этого числа достаточно, —достаточно для открытія черезъ химію физическихъ истинъ; а вѣдь цѣль лабораторіи и была научная,—„труды эти предпринимаются не

для прибыли, а для науки"; „химикъ долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не дѣлать больше опытовъ, чѣмъ сколько обнимаетъ вниманіе его мысли". Эту лабораторію самъ Ломоносовъ описалъ въ своемъ

Разрѣзъ дома Химической Лабораторіи.

Курсѣ истинной физической химіи, 1752 г.; сохранился и планъ ея устройства. По мѣрѣ того, какъ зданіе возводилось, Ломоносовъ требовалъ туда посуду, уголья, матеріалы; многіе предметы изготовлялись по собственнымъ его чертежамъ.

Здѣсь были собраны безчисленные стеклянные сосуды, всѣхъ формъ и всѣхъ величинъ, бѣлаго стекла и зеленаго стекла,—химическую посуду заказывали для лабораторіи пудами; были всевозможныя желѣзныя и чугунныя чаши, мѣхи всѣхъ размѣровъ, особые фонари для пробы красокъ, воздушные насосы и шлифовальныя махины, барометры, анемометры, десятки термометровъ разнаго устройства; для занятій по электричеству Ломоносовъ требовалъ себѣ изъ Академіи, изъ физической палаты, новые шары со станкомъ, выписанные изъ-за моря.

Здѣсь, въ этой лабораторіи, и работалъ большей частью Ломоносовъ. Здѣсь онъ „читалъ химическія лекціи для студентовъ, показывая при томъ физическіе эксперименты; дѣлалъ пробы надъ присланными изъ акад. канцеляріи рудами" (сент. треть 1752 г.) Здѣсь же онъ „дѣлалъ многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, и показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Генкеля; для яснаго понятія и краткаго познанія всей Химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные имъ къ Физической Химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13 листахъ въ 150 параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ" (1752 г.).—Въ 1753 г. „продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ,—что показываетъ журналъ того же года на 56 листахъ; по окончаніи лекцій дѣлалъ новые Химико-Физическіе опыты, дабы привести Химію сколько

можно къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной Физики: изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія циферныя таблицы, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержитъ.“ Тутъ же „съ проф. Рихманомъ дѣлалъ Химико-Физическіе опыты для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ.“ Помощникомъ Ломоносова при опытахъ былъ обыкновенно его лаборантъ Беттигеръ, жившій съ семьей въ томъ же Боновскомъ домѣ, гдѣ и Ломоносовъ. Кромѣ того, Ломоносова окружали въ лабораторіи его ученики; въ 1753 г. это были студенты Румовскій, Клементьевъ, Братковскій и Федоровскій; изъ нихъ особенно выдѣлялись первые двое; Румовскій „на чинимые на лекціяхъ вопросы способнѣе другихъ отвѣтствуетъ“,— и на лекціи „прилежно ходитъ“; Клементьевъ—„всѣхъ прилежнѣе, и какъ по обстоятельствамъ примѣчаю, изрядно понимаетъ и помнитъ; однако, на вопросы отвѣтствовать весьма застѣнчивъ, такъ что иногда сказать не можетъ тово, что ему конечно памятно быть должно.“

Съ этими студентами производилъ Ломоносовъ безчисленные опыты съ растворами солей, изучалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только можетъ ихъ изучать наука; сохранилась въ рукописяхъ программа этихъ работъ Ломоносова: „это программа ученаго-гиганта“,—говоритъ о ней проф. Вальденъ.

Студенты при этомъ должны были сами дѣлать всѣ эксперименты, растворять, вычислять, взвѣшивать, изучать дѣйствіе электричества на растворы, слѣдить за цвѣтомъ электрическихъ искръ и пламени въ растворахъ солей, и т. п. Нѣкоторые студенты писали свои изслѣдованія, основанные на опытахъ. Въ лабораторіи Ломоносова вводился экспериментальный методъ преподаванія,—методъ, вошедшій въ моду лишь въ XIX столѣтіи...

Изъ этой же химической лабораторіи вышла и русская мозаика Ломоносова „Кромѣ физико-химическихъ опытовъ“, — рапортовалъ Ломоносовъ въ 1752 г.,—„упражнялся я въ изысканіи цвѣтовъ мозаичныхъ составовъ, о чемъ я по третямъ всегда подавалъ извѣстія... А сдѣланныя пробы хранятся при лабораторіи въ боновскомъ домѣ въ особливомъ покоѣ, каждая особливо подъ нумерами противъ химическаго журнала, въ которомъ по мѣсяцамъ и числамъ оныхъ составы и процессы описаны. Всѣхъ оныхъ цвѣтовъ по оптическому и живописному порядку образцы подамъ въ акад. канцелярію по совершеніи мозаичнаго образа, чѣмъ весьма поспѣшаю...“ Образъ готовъ былъ къ осени того же года, и 4 сентября Ломоносовъ самъ поднесъ его императрицѣ. Образъ этотъ былъ „составленъ съ оригинала славнаго римскаго живописца Солимена; всѣхъ составныхъ кусковъ поставлено больше 4 тысячъ, все его руками; а для изобрѣтенія составовъ дѣлано 2184 опыта въ стекляной печи.“

Портретъ Елизаветы Петровны, работы Ломоносова.

Ломоносовъ скоро увлекся мозаикой. Академія, по его просьбѣ, дала ему для обученія этому дѣлу двухъ рисовальныхъ учениковъ, „изъ вѣдомства мастера Гриммеля“, по его собственному выбору, чтобы онъ „показалъ имъ къ сему дѣлу всѣ способы.“ На другой день послѣ этого, онъ уже подалъ новое прошеніе, или вѣрнѣе „предложеніе“, объ учрежденіи мозаичнаго дѣла. „Доброта изобрѣтенныхъ здѣсь мозаичныхъ составовъ“,—писалъ онъ,—„ни чѣмъ не уступаетъ римскимъ, что довольно можно видѣть по

тѣмъ составамъ, которые выписалъ изъ Рима его сіятельство рейхсграфъ и вице-канцлеръ М. Л. Воронцовъ." Въ виду этого, Ломоносовъ рекомендовалъ устроить казенный заводъ, для котораго отвести каменный домъ, изъ тѣхъ, какіе были конфискованы у разныхъ лицъ за преступленія, ассигновать на расходы 3710 р. въ годъ изъ казны, да отъ Академіи отпустить изъ живописныхъ учениковъ 6 человѣкъ; для свидѣтельства живописныхъ изображеній могутъ быть назначены искусные живописцы. „Ежели всемилостивѣйше позволено будетъ дѣлать на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальныя рамы, шкатулки, табакерки и другіе домашніе уборы и галантереи, то будутъ сіи заводы сами себя окупать и со временемъ приносить прибыль..." „Сіе все можетъ служить къ постоянному украшенію церквей и другихъ знатныхъ зданій, а особливо къ славѣ ея имп. в-ва и Отечества."

Предложеніе Ломоносова не имѣло успѣха, и онъ самъ тогда занялся этимъ дѣломъ. Онъ просилъ разрѣшить ему „завести фабрику для дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисера, пронизокъ, стекляруса и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ".—„А къ сему бы учинить вспоможеніе—отвесть въ Копорскомъ уѣздѣ село Ополье,—гдѣ бы мужескаго пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими угодьями, и потому же лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными

людьми за новостью той фабрики въ совершенство привести не можно...“ „Для новости же той фабрики уволить оную отъ постоя и отъ платежа пошлинъ съ покупныхъ на оную матеріаловъ и съ продажи сдѣланнаго товара; — на строеніе на оной фабрикѣ сараевъ, на печи, на инструменты и на матеріалы сперва выдать изъ казны денегъ 4 тыс. р. безъ процентовъ, которые онъ обѣщается выплатить въ 5 лѣтъ... И пожаловать ему на сію фабрику привилегію одному подъ запрещеніемъ другимъ на 30 лѣтъ; и ежели потребны будутъ — мастера изъ за моря, которые бы Россійскихъ людей обучали, таковыхъ позволить выписывать, а вывозъ оныхъ товаровъ изъ другихъ государствъ запретить“. Ломоносовъ обнадеживалъ „дѣланными на той своей фабрикѣ вещами не только Россійскую имперію удовлетворить, но со временемъ и за море оныя отсылать...“ Фабрика должна была послужить и мозаичному дѣлу: „И когда Высочайшимъ указомъ повелѣно будетъ здѣсь производить мозаичное художество, то обѣщается онъ показать, кому повелѣно будетъ, удобные способы къ набиранію всякихъ мозаическихъ вещей, и сверхъ того ставить для сего дѣла съ его заводовъ требуемое количество составовъ, цѣною 30-ю процентами ниже, нежели какъ оные въ Римѣ продаются.

Сенатъ разрѣшилъ Ломоносову все, о чемъ онъ просилъ, только за земельнымъ пожалованьемъ пришлось ему самому съѣздить въ мартѣ 1753 г. въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ; императрица по-

жаловала ему „для работъ къ фабрикѣ, въ Копорскомъ уѣздѣ, изъ Коважской мызы изъ деревни Шишкиной 136, изъ деревни Калишъ 29, изъ деревни Усть Рудицъ 12, отъ мызы Горья Валдай изъ деревни Перекули и Липовой 34 — всего 211 душъ со всѣми къ нимъ принадлежащими землями...“ Въ деревнѣ Усть Рудицѣ и была устроена фабрика. Въ 1754 г., въ письмѣ къ ученому Эйлеру, Ломоносовъ такъ изображалъ свое новое хозяйство: „Императрица пожаловала мнѣ въ Ингріи 226 крестьянъ съ тысячью десятинами земли, на которой имѣется довольно полей, луговъ, рыбныхъ ловель и лѣса въ изобиліи. Четыре у меня деревни, изъ которыхъ ближайшая въ 64, а отдаленнѣйшая въ 80 верстахъ отстоятъ отъ Петербурга; имѣніе прилегаетъ къ морю, и тамъ протекаетъ рѣчка, при которой, кромѣ дома и стекляннаго завода, уже построенныхъ, возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; на верху ея будетъ устроена самопишущая метереологическая обсерваторія...“ Въ маѣ 1755 г. Ломоносовъ, ходатайствуя объ отпускѣ къ нему на фабрику двухъ его учениковъ, занимавшихся мозаичнымъ дѣломъ, писалъ: „На привилегированной моей фабрикѣ учреждены къ мозаичному дѣлу всякія потребности, и мозаичные составы дѣйствительно производятся, изъ которыхъ набирая всякіе образы и портреты, могутъ помянутые ученики достигнуть въ томъ дѣлѣ совершенства...“

Къ концу 1755 г. былъ изготовленъ на фабрикѣ Ломоносова мозаичный портретъ Петра Великаго, и

12 декабря Ломоносовъ торжественно поднесъ его сенату, „въ знакъ благодарности за пожалованную ему бисерную фабрику...“ Гдѣ находится этотъ портретъ теперь, неизвѣстно... Въ Московскомъ Университетѣ, въ актовой залѣ, хранится другое произведеніе фабрики Ломоносова, образъ Господа Саваофа...

Ив. Ив. Шуваловъ. (*Съ совр. портрета*).

Съ 1749 г. имя Ломоносова начинаетъ связываться съ именемъ Шувалова. Молодой пажъ, только что

пожалованный въ камеръ-юнкеры, быстро дѣлалъ блестящую карьеру. Извѣстіе объ этомъ пожалованіи пришло въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ тогда находился дворъ, и въ сферахъ, близкихъ къ Академіи, поднялась цѣлая буря, когда въ Вѣдомостяхъ, издававшихся при Академіи, новый фаворитъ былъ упомянутъ безъ достаточнаго „решпекта"; — было напечатано о пожалованіи „Ивана Шувалова", когда слѣдовало сказать, что пожалованъ: „Иванъ Ивановичъ г-нъ Шуваловъ". За такую оплошность, нерадѣніе, неосторожность, велѣно было сдѣлать виновнымъ выговоръ, при чемъ досталось и надзиравшему за экспедиціей Вѣдомостей Ломоносову. Скоро, однако, Ломоносовъ нашелъ себѣ въ Шуваловѣ покровителя, и уже 18 августа 1750 г. обратился къ нему съ стихотворнымъ посланіемъ. Поэтъ изображаетъ монархиню и ея вельможу:

Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ...

Но и вращаясь при пышномъ дворѣ Елизаветы, Шуваловъ не забываетъ россійскихъ музъ:

Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя Парнасскихъ горъ закрыть.

Поэтъ ждетъ и себѣ вниманія отъ могущественнаго вельможи и мецената:

Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды.

27 августа Ломоносовъ былъ уже принятъ въ Царскомъ Селѣ императрицей, и удостоился отъ нея какой-то милости, за которую благодарилъ въ цѣлой одѣ:

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!

Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!

Допущенный къ императорской охотѣ, поэтъ преисполненъ чувства благодарности; но и въ Прекрасной Всадницѣ, выгоняющей звѣрей изъ норъ, Ломоносову видится не Діана, а Минерва.

Новое положеніе—при дворѣ—по новому обязывало поэта, и это тотчасъ же отразилось на его занятіяхъ. 29 сентября состоялось повелѣніе императрицы, „чтобъ профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи, и о томъ имъ объявить въ канцеляріи.“ Ломоносову, никогда не писавшему никакихъ трагедій, пришлось взяться за новую для него работу. Приходилось спѣшить,—трагедія нужна была для представленія кадетами при дворѣ,—и Ломоносовъ, съ котораго кто-то взыскивалъ въ это время долгъ,—просилъ канцелярію избавить его отъ „нападокъ“ кредиторовъ и „не дать имъ его безпокоить“, „понеже канцелярія извѣстна, что я нынѣ по

именному указу съ поспѣшеніемъ трагедію сочинить долженъ." Въ ноябрѣ трагедія „Тамира и Селимъ" (изъ жизни Мамая) была уже готова, а въ январѣ уже была сыграна при дворѣ. Нашлись насмѣшники, потѣшавшіеся по этому поводу: они составили шуточную афишу, въ которой объявляли, что „будетъ представленіе трагедіи Тамиры. - Актриса, изображающая Тамиру, будетъ убрана драгоцѣннымъ бисеромъ и мусіею (мозаикой). Въ сей бисеръ и въ сію мусію чрезъ химію превращены Пиндаровы лирическія стихи собственными руками сего великаго стихотворца."

Ломоносову приходилось теперь работать вдвойнѣ, на дворъ и на Шувалова; это была, впрочемъ, общая участь придворной поэзіи XVIII вѣка. Для двора требовались въ торжественные дни оды,—„должностныя оды исправнаго чиновника, а не поэта, вдохновеннаго свыше, не оратора, мощно увлекающаго", какъ выражается о нихъ Пушкинъ. Такова и была, за малыми исключеніями, „должностная" поэзія Ломоносова. Кромѣ одъ, требовались стихотворныя надписи для фейерверковъ и иллюминацій, и цѣлые проекты этихъ „увеселительныхъ огней".

Особенно много требовалось надписей,—по 4, 5 и 6 въ годъ. Надписи требовались правильно, на дни Высочайшихъ рожденій, тезоименитствъ, восшествій, въѣздовъ, отъѣздовъ и т. д. Иной разъ требовались надписи и для спуска кораблей, и для придворныхъ маскарадовъ. Сами темы иллюминацій составлялись тоже подчасъ Ломоносовымъ, тратившимъ время

на эти „проекты иллюминацій“. „На иллюминаціонномъ планѣ фонарями изобразить храмъ россійскаго благополучія, съ великими флигелями, на обѣ стороны простирающимися...—Представить великолѣпное зданіе россійскаго удовольствія, въ которое со всѣхъ сторонъ врата отворены и украшены рогами изобилія... Представить прекрасный островъ благополучнаго царствованія ея величества“ и т. п.

Приходилось писать надписи къ иллюминаціямъ и для Шувалова. Но служба ему была больше другого рода. Совершенно лишенный поэтическаго дара, Шуваловъ пытался все же писать стихи, и Ломоносовъ долженъ былъ поправлять ихъ ему; слѣды этихъ занятій сохранились въ тетрадяхъ Шувалова... Потомъ надо было устраивать въ домѣ Шувалова „обѣщанныя оптическія вещи“, а въ домѣ еще не было ни половъ, ни лѣстницъ, ни потолковъ, и приходилось ходить тамъ „съ немалой опасностью“; надо было посылать Шувалову какіе то „электрическіе шарики“. Въ другой разъ посылались уже не электрическіе шарики, а добытые откуда-то запретные стихи, какая-то „панигирическая пасквиль“ „безбожника Вольтера“...

Шуваловъ не ограничивался всѣмъ этимъ; онъ старался вліять на Ломоносова, измѣнять направленіе его занятій. Онъ требовалъ, чтобы Ломоносовъ бросилъ естественныя науки, въ которыхъ онъ уже столько сдѣлалъ, и занялся россійской исторіей, которой онъ никогда раньше не занимался. Починъ

исходилъ отъ самой императрицы, которая „изволила объявить черезъ Шувалова, что охотно желала бы видѣть россійскую исторію его штилемъ“... Ломоносовъ сѣлъ за изученіе новыхъ для него источниковъ и вопросовъ, а Шуваловъ, повидимому, торопилъ его; Ломоносовъ не разъ долженъ былъ оправдываться, ссылаться на обиліе другихъ работъ, на невозможность все сдѣлать одному; такъ, одинъ разъ онъ писалъ: „О первомъ томѣ Росс. исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобъ онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества,--и долженъ еще на срокъ поставить,—отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось“... Въ другой разъ, Ломоносовъ писалъ: „Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать; однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времени... Могу Васъ, Милостиваго государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что первой томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощью совершить уповаю. Чтожъ до другихъ моихъ въ Физикѣ и въ Химіи упражненій ка-

сается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Росс. исторіи и на украшеніе Росс. слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто билліарду употребить на Физическіе и Химическіе опыты, которые мнѣ не токмо вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва меньше ли первой". Дико читать эти мольбы великаго ученаго о дозволеніи ему хотя бы въ минуты досуга заняться тѣми науками, въ которыхъ онъ всего болѣе великъ...

Покровительство Шувалова было особенно важно для Ломоносова потому, что онъ надѣялся съ его помощью стать болѣе независимымъ въ Академіи, надѣялся, что имѣя такого патрона, ему не придется больше такъ „бѣгать и кланяться", какъ это тамъ требовалось. Но онъ же и удивлялся, что высокій патронъ здѣсь ему оказывается безполезенъ, что академическое начальство не цѣнитъ его, „котораго любитъ и жалуетъ" Шуваловъ. Академія оказывалась

сильнѣе „случайнаго", „припадочнаго человѣка",— во главѣ ея стоялъ другой, также „случайный", „припадочный человѣкъ",—съ 1746 г. президентомъ ея былъ младшій братъ фаворита Алексѣя Разумовскаго, Кириллъ. Ему едва исполнилось 18 лѣтъ, когда онъ былъ назначенъ на этотъ постъ; онъ всего лѣтъ пять началъ чему-либо учиться, но и съѣздивъ со своимъ учителемъ Тепловымъ за границу, не научился ничему, кромѣ болтовни на иностранныхъ языкахъ, не привыкъ даже къ чтенію, къ книгѣ. Въ Академіи онъ сразу сталъ на сторону канцеляріи, и канцелярія лучше прежняго расцвѣла подъ его эгидой; именемъ президента прикрывался, собственно говоря, захватившій Академію въ свои руки тріумвиратъ—Шумахеръ, его зять Таубертъ и присоединившійся къ нимъ воспитатель графа Кирилла Тепловъ.

Въ 1747 г. былъ введенъ въ академіи новый регламентъ, всецѣло освящавшій этотъ порядокъ, составленный Шумахеромъ и Тепловымъ; регламентъ закрѣпощалъ ученаго канцеляріи: „ибо собою академикъ ничего опредѣлить не можетъ, о чемъ не позволено будетъ отъ президента, а въ небытность президента—отъ канцеляріи,"—говорилось въ регламентѣ, коимъ осчастливилъ академію новый ея президентъ. И канцелярія скоро показала, что значитъ такое ея господство. Вся власть въ Академіи сосредоточивалась въ рукахъ президента; но на равныхъ правахъ съ нимъ выступала и Канцелярія. Эти двѣ власти могли вмѣшиваться даже въ научныя занятія

академиковъ. Канцелярія указывала академикамъ, какъ они должны писать свои рапорты президенту,— на цѣльныхъ листахъ, или на полулистахъ;—устанавливала штрафы съ академиковъ за манкировки, запрещала служащимъ Академіи брать у академиковъ бумаги для переписки, безъ разрѣшенія Канцеляріи; запрещала профессорамъ читать иностранные журналы раньше академиковъ и адьюнктовъ; запрещала академикамъ читать ученые журналы въ засѣданіяхъ Академіи, и т. д. Не удивительно при такихъ условіяхъ, что за все время президентства Разумовскаго, ни одинъ новый ученый не явился въ нашу Академію изъ-за-границы; нѣмецъ Гмелинъ предпочелъ, напротивъ, выбравшись изъ Россіи, въ нее больше не возвращаться, хотя за него должны были отвѣчать Миллеръ и Ломоносовъ, которые за него ручались.

Но удивительнѣй всего было положеніе въ этой Академіи Ломоносова. Еще въ 1745 г., когда Ломоносовъ только что былъ утвержденъ профессоромъ, Шумахеръ пытался прервать его карьеру, и посылалъ къ Эйлеру, за-границу, ученыя работы новаго профессора, въ надеждѣ на дурной его отзывъ; но онъ ошибся въ разсчетѣ,—отвѣтъ Эйлера гласилъ, что „всѣ записки г. Ломоносова по части физики и химіи не только хороши, но превосходны,“—что „онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій феноменовъ физики и химіи“, и что „желательно бы было, чтобы всѣ прочія Академіи были въ состояніи

производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ". Послѣ этого свалить Ломоносова было трудно, и Шумахеру пришлось оставить его въ покоѣ; но отношеніе къ нему не стало отъ этого лучше. Шумахеръ не разъ жалѣлъ, что проморгалъ назначеніе Ломоносова профессоромъ, и говорилъ: „я де великую ошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры"; а зять его Таубертъ заявлялъ открыто, въ разговорѣ о русскихъ студентахъ; „Развѣ де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ де намъ въ тягость". Какъ и за что цѣнило Ломоносова академическое начальство, можно видѣть изъ переписки Шумахера съ Тепловымъ, въ 1749 г., о назначеніи оратора для произнесенія рѣчи въ торжественномъ собраніи Академіи; ораторомъ былъ выбранъ Ломоносовъ: „Очень бы я желалъ" пишетъ Шумахеръ,— „чтобы кто нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь... но не знаю такого между нашими академиками... Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ (Impudent), чтобы имѣть силу для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у насъ, м. г., есть кто нибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его въ этихъ качествахъ?" Чтобы подорвать какъ нибудь ученый авторитетъ Ломоносова, академическое начальство спѣшило обо всѣхъ его работахъ сообщить скорѣе за границу, „съ прибавленіемъ, что авторъ ихъ хвастаетъ новыми открытіями своими;" это дѣлалось,

конечно, не въ видахъ распространенія извѣстности Ломоносова въ Европѣ, а съ затаенною мыслію получить изъ Германіи неблагопріятные отзывы, чтобы потомъ колоть самолюбіе Ломоносова.

Не мудрено послѣ этого, что Ломоносовъ возненавидѣлъ Шумахера и всѣхъ присныхъ его самой лютой ненавистью, на какую онъ только былъ способенъ. Въ 1753 г. Ломоносовъ писалъ Шувалову: „Совѣтникъ Шумахеръ... — всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и всѣхъ профессоровъ гонитель и коварный злохитростный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе; однако нынѣ сталъ еще вдвое, имѣя двойные интересы, то-есть прегордаго невѣжду, высокомысленнаго фарисея, зятя своего Тауберта. Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: не дай Богъ, чтобы Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой, обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ и нынѣ профессоровъ одного на другого подъущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются. Я обо всемъ писалъ къ г. Президенту нарочито пространно и всѣпокорнѣйше просилъ, чтобъ сдѣлать конецъ 20-лѣтнему бѣдному академіи состоянію и избавить отъ приближающагося конечнаго разоренія...—Сила и важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ безъ вѣдома Профессорскаго никакія ученыя дѣла

не отправлялись и Его бы С-во ничего не опробовалъ, что канцелярія безъ согласія собраній о томъ представитъ. Ибо кромѣ сего на что профессорскія собранія? На что ихъ голосы? Когда Шумахеръ все смыслитъ, когда ему все повѣрить можно. Все смыслитъ! Боже мой! но онъ и въ главной своей охотѣ, въ рисованіи толку не знаетъ.—Ему все повѣрить можно? Правда: козлу капусту, овецъ волку... При такихъ великихъ примерахъ его злости, при томъ великомъ множествѣ свидѣтелей...—возможно ли сомнѣваться о безсовѣстномъ его поведеніи? Возможно ли ожидать цвѣтущаго наукъ состоянія? Возможно ли подумать, что все на него напрасно солгано?..—Не довольно ли о семъ увѣряетъ внѣшнее и внутреннее Академіи бѣдное состояніе. Извнѣ почти однѣ развалины, внутрь нѣтъ ничего, чтобъ Академіею Университетомъ могло назваться"...

Въ слѣдующемъ 1754 г., (30 дек.) убѣдившись, что никакихъ надеждъ на преобразованіе Академіи, на перемѣну ея устава, на новые въ ней порядки не остается, Ломоносовъ писалъ Шувалову, что проситъ перевести его въ другой корпусъ; „а лучше всего въ Иностранную Коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству"... „Дабы или всѣ сказали: камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла;—или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такого человѣка, которой чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную, и всегда съ гонительми наукъ боролся, не смотря на свои опасности".

Остается только удивляться, какъ посреди всего этого не исчезла у Ломоносова научная его энергія. А энергію онъ развилъ въ эти годы необыкновенную. Въ 1746 г. онъ выпустилъ въ своемъ переводѣ Экспериментальную физику Хр. Вольфа, снабдивъ ее замѣчательнымъ предисловіемъ, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на новую на опытахъ основанную науку, въ отличіе отъ старой Аристотелевской схоластики; но главное значеніе этого перевода въ томъ, что Ломоносову пришлось устанавливать заново русскую научную терминологію; ему принадлежатъ, между прочимъ, такія укоренившіяся въ русскомъ языкѣ слова, какъ термометръ, барометръ и атмосфера.

Въ 50-хъ годахъ Ломоносовъ усиленно занялся изученіемъ новой тогда въ наукѣ электрической силы. Вмѣстѣ съ профессоромъ Рихманомъ занимался онъ опытами съ молніей, съ электрическими искрами, съ электрической машиной. Въ маѣ 1753 г. писалъ онъ Шувалову: „Что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ присемъ сообщаю. Второе примѣтилъ я своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было,

нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась, а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака, безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею недавнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно". Ломоносовъ собирался выступать съ рѣчью объ электричествѣ на ближайшемъ академ. актѣ: „актъ буду я отправлять съ г. проф. Рихманомъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу, отъ оной происходящую".

Но Рихману не пришлось говорить на актѣ: онъ погибъ жертвой научнаго своего рвенія, погибъ за научной работой, какъ воинъ, на своемъ посту. Въ іюлѣ того же года Ломоносовъ писалъ Шувалову: „г. проф. Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля въ 26 число, въ первомъ часу по полудни, поднялась громовая туча отъ Норда (съ сѣвера). Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку Электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я норочитыхъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣте-

лей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный проф. Рихманъ со мною спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь бѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щти простынутъ, а при томъ и Электрическая сила почти перестала.

„Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: „Профессора громомъ зашибло“.

„Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыхаменъ.... Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, затѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена, и больше нѣтъ надежды“... Гравировальный мастеръ Соколовъ, бывшій свидѣтелемъ смерти Рихмана (проф. нарочно пригласилъ его, чтобы показать ему дѣйствіе электричества), видѣлъ, „какъ изъ желѣзнаго прута, безъ всякаго прикосновенія

вышелъ блѣдно-синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу профессора, который въ самое то время, не издавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоявшій позади его сундукъ. Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ, будто бы изъ малой пушки выпалено было, отчего и оной мастеръ упалъ на земь и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмотрѣно, что оные произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечъ до фалдъ оставила знатныя горѣлыя полосы"...

Смерть проф. Рихмана.

Актъ былъ перенесенъ, въ виду смерти Рихмана, на другое число, и Ломоносову пришлось уже выступать съ рѣчью объ электрической силѣ одному. Слово о воздушныхъ явленіяхъ, связанныхъ съ электричествомъ, было имъ сказано въ собраніи Академіи

26 ноября 1753 г. Ломоносовъ далъ объясненіе атмосфернаго электричества. Какъ разъ въ то время вышли знаменитыя письма Франклина по этому же вопросу, но Ломоносовъ увидѣлъ ихъ уже тогда, когда рѣчь его была почти готова; тѣмъ не менѣе, онъ, по отзыву ученыхъ спеціалистовъ, „составилъ теорію, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее“.

Посреди всѣхъ этихъ работъ, а также и многихъ другихъ, Ломоносовъ не забылъ и словесныхъ наукъ, и выпустилъ, въ тѣ же годы, такіе крупные труды въ этой области, какъ большая „Реторика“, первая реторика на русскомъ языкѣ, со множествомъ отрывковъ изъ литературныхъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ собственныхъ превосходныхъ переводахъ,—и „Россійская грамматика“, въ которой онъ провидѣлъ многіе выводы, до какихъ дошла наука въ XIX вѣкѣ...

Къ тѣмъ же годамъ относятся и такія крупныя художественныя произведенія Ломоносова, какъ его Ода 1747 г., два его слова на ученыя темы, одно въ прозѣ, другое въ стихахъ,—о пользѣ химіи 1751 г. и о пользѣ стекла 1752 г., и два похвальныхъ слова имп. Елизаветѣ Петровнѣ 1749 г., и Петру Великому, 1755 г.

Ода 1747 г. была собственно оффиціальнымъ произведеніемъ. Въ ней должна была выражаться благодарность Академіи Императрицѣ за дарованный ей регламентъ (тотъ самый, который отдавалъ Ака-

демію въ полную власть ея канцеляріи). Тѣмъ не менѣе, надо было благодарить, и Ломоносовъ долженъ былъ писать оду. И называлась ода, сообразно этому: „Радостныя и благодарственныя восклицанія музъ Россійскихъ — несказаннымъ великодушіемъ Ея Величества обогащенныхъ, оживленныхъ и восставленныхъ". Ода была произнесена авторомъ, въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, въ день восшествія на престолъ, и поднесена императрицѣ, въ дорогомъ переплетѣ, —„въ золотомъ море, внутри тафтою оклеенномъ", а Ихъ Высочествамъ, Петру Федоровичу и Екатеринѣ Алексѣевнѣ", „въ тафтѣ красной, внутри оклеено золотой бумагой".

Не смотря на свое оффиціальное происхожденіе, „Радостныя восклицанія музъ Россійскихъ" выдѣляются изъ всѣхъ Ломоносовскихъ одъ своей необыкновенной искренностью, изяществомъ отдѣлки и высотой выраженныхъ въ нихъ чувствъ и мыслей. — По содержанію своему это настоящій гимнъ миру и просвѣщенію, олицетвореніемъ которыхъ является Елизавета.

„Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ".

Одной изъ обязанностей профессоровъ академіи было произнесеніе рѣчей, въ торжественныхъ академическихъ засѣданіяхъ, въ дни рожденія, или име-

нинъ императрицы, или ея восшествія на престолъ. Говорить такія рѣчи долженъ былъ Ломоносовъ. Но изъ придворной рѣчи онъ умѣлъ создать своего рода шедевръ научно-художественнаго творчества; таково особенно его „Слово о пользѣ химіи", произнесенное Ломоносовымъ съ каѳедры Академіи Наукъ въ торжественномъ засѣданіи ея по случаю дня Высочайшаго тезоименитства, 6 сентября 1751 г.,—высоко поэтическое произведеніе, хотя и въ прозѣ. Батюшковъ признавалъ его вообще лучшимъ произведеніемъ Ломоносова. Оно, дѣйствительно, полно художественныхъ образовъ и картинъ, и проникнуто въ то же время напряженной страстью ученаго къ наукѣ. Чтобы показать наглядно значеніе науки въ жизни человѣчества, Ломоносовъ начертываетъ картину европейской культурной жизни, и рядомъ картину жизни племенъ, „скитающихся въ степяхъ американскихъ". „Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многія вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ; другой не токмо черезъ величину тягость безъ вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры поз-

наваетъ, не токмо на земли неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе, и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своей жизни или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ; другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ; но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ...„—Не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится....—Толь великую приноситъ ученіе пользу..." „Желалъ бы я васъ ввести въ великолѣпный храмъ сего человѣческаго благополучія.... Прошу, послѣдуйте за мною мыслями вашими въ единъ токмо внутренній чертогъ сего великаго зданія, въ которомъ потщусь вамъ кратко показать нѣкоторыя сокровища богатыя Натуры, и объявить употребленіе и пользу тѣхъ перемѣнъ и явленій, которыя въ нихъ химія производитъ"... Далѣе говорится о значеніи химіи для наукъ и художествъ, и вообще для культурнаго развитія человѣчества.

Письмо о пользѣ стекла, написанное къ Шувалову въ 1752 г., относится къ тому времени, когда Ломоносовъ увлекся стеклянной фабрикой, и всѣ свои помыслы направилъ въ эту сторону. Не смотря, однако, на случайность повода, по какому оно написано, въ

немъ есть очень цѣнныя, и въ художественномъ, и въ идейномъ смыслѣ, мѣста. Посреди длиннаго перечня даровъ, какими мы обязаны стеклу,—посреди очковъ и рюмокъ, бисера и мозаики, микроскоповъ и телескоповъ,—авторъ доходитъ и до зажигательнаго стекла, дающаго намъ огонь,- и тутъ вспоминаетъ басню о Прометеѣ:

И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не свергла ль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невѣждъ свирѣпыхъ полкъ
На знатны вымыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь Телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огнь ли онъ Стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ Варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?..

Не осуждали ли древніе греки, во имя языческихъ боговъ, ученаго Аристарха, дерзнувшаго утверждать, что весь земной міръ, вмѣстѣ съ своими богами, вращается кругомъ солнца?

(Дерзнулъ онъ) научать, что всѣ домашни боги
Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги;
Вертится вкругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ,—
И неподвижная земли богиня Веста
Къ успокоенію сыскать не можетъ мѣста...

Во имя язычества, ополчались люди противъ этихъ ученій:

Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры..

И оффиціальное „Слово похвальное Елизаветѣ Петровнѣ,“ произнесенное Ломоносовымъ въ торжественномъ собраніи Академіи 26 ноября 1749 г., въ годовщину восшествія ея на престолъ,—и этотъ по Цицерону и Плинію составленный панегирикъ сумѣлъ онъ обратить изъ гимна лицу въ гимнъ идеѣ, все той же идеѣ мира и просвѣщенія. Отъ имени самой „Россійской Героини“, какъ онъ ее называетъ, обращается онъ къ „Россійскимъ юношамъ“ и взываетъ; „Внимайте, что Августѣйшая Императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ:— Обучайтесь прилежно. Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сіе щедрое Ея В-ва повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ...“ Въ такихъ словахъ воспѣвалъ Ломоносовъ „тихую власть“ Елизаветы...

Если съ такимъ пафосомъ и увлеченіемъ воспѣ-

валъ Ломоносовъ дочь Петра, то съ какимъ же чувствомъ долженъ онъ былъ приступать къ Похвальному слову Петру Великому? Еще въ началѣ 1753 г. Ломоносовъ задумалъ писать это слово; въ концѣ 1754 г. онъ работалъ надъ нимъ, но не поспѣлъ къ сроку, и произнесеніе его было отложено до апрѣля 1755 г.; 26 апрѣля надо было его говорить, а 22 оно еще не было готово. Увѣрившись предварительно, что „похваляя Петра, похвалимъ Елисавету", Ломоносовъ начертываетъ широкую картину его дѣятельности, даетъ яркую характеристику самого Петра. Планъ слагается самъ собой: „Важнѣйшія токмо дѣла Его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія." Передъ нами проходятъ послѣдовательныя картины военныхъ, финансовыхъ, экономическихъ реформъ Петра, дается ихъ характеристика и оцѣнка. Въ заключеніе—знаменитая страница, шедевръ ораторскаго искусства: „Я въ полѣ межъ огней; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана—духомъ обращаюсь, вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая

жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ Обладателей, великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы... Иныхъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ 250 лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время Своея жизни. Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дохнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю..."

Въ 1754—1755 гг. Ломоносовъ занимался, сверхъ всѣхъ своихъ прочихъ работъ, еще реформой Академическаго Университета и созданіемъ Университета Московскаго.

Приступая къ пересмотру Академическаго устава, Ломоносовъ считалъ, что это, быть можетъ, послѣдняя попытка исправить неисправимое, и съ нѣкоторымъ отчаяніемъ въ душѣ писалъ: „Ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и

щедролюбія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ.“

Двѣ причины, по мнѣнію Ломоносова, губятъ Академію: „первое—исканіе и полученіе правленія Академическимъ корпусомъ отъ людей мало ученыхъ. Вторая—недоброхотство къ учащимся Россіянамъ.“ „Вредительнѣе всего и поносительнѣе Россійскому народу (а напечатанъ регламентъ на иностранныхъ языкахъ), что сочинитель—положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ другихъ должностяхъ, и тѣмъ далъ поводъ разсуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ Россіянъ... Ибо что иное подумать можно, какъ сіе: что Спб. Академія Наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большей части изъ иностранныхъ: то есть, что природные Россіяне неспособны.“

Нужно принять всѣ мѣры, чтобы поощрить россіянъ къ наукамъ. Между тѣмъ, въ регламентѣ для этой цѣли ничего не сдѣлано:

„Ежели Европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетѣ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ Россійскомъ государствѣ, ученыхъ людей мало; дворянамъ для безпорядку ранговъ нѣтъ ободренія (не производятъ профессоровъ

въ высшіе чины); въ подушной окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть сочинитель думалъ, что Россійскому государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и сорока алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 р., чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ...“

Здѣсь видимъ мы мѣрку демократизма, доступнаго русскому XVIII вѣку; до „въ подушный окладъ положенныхъ“, до „посадскихъ хорошихъ людей“ и до черносошныхъ крестьянъ, до самихъ Ломоносовыхъ, доходитъ академическая наука, но дальше того, въ крѣпостную массу, нейдетъ. Здѣсь твердая, рѣзкая грань—грань свободной и крѣпостной Россіи. „Довольно бы и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ“,—добавляетъ въ другомъ своемъ проектѣ Ломоносовъ.

И позже, въ 1760 г., при обсужденіи новаго проекта регламента, Ломоносовъ защищалъ право на ученіе въ гимназіи бывшихъ помѣщичьихъ людей, выпущенныхъ на волю изъ рабства, вспоминалъ по этому поводу о древнемъ Римѣ, гдѣ вольноотпущенники „не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ отцами ихъ за однимъ столомъ сидѣли, съ

государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе, и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность"; но это все только о бывшихъ помѣщичьихъ людяхъ, а не о настоящихъ крѣпостныхъ, не выпущенныхъ еще на волю...

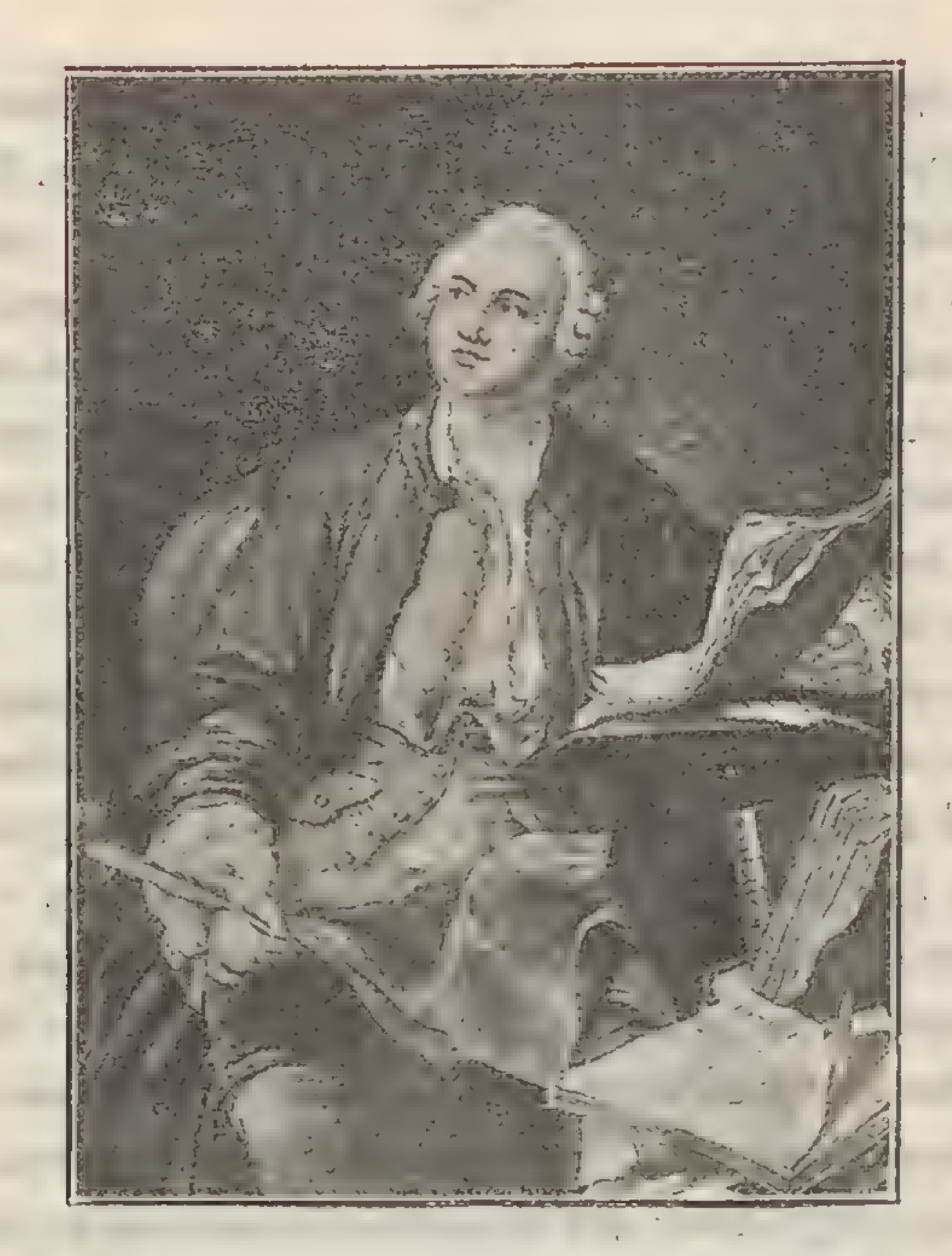
Тѣ же идеи должны были лечь въ основу новаго Университета, открытаго по почину Шувалова и въ значительной степени по Ломоносовскому проекту, въ Москвѣ, въ 1755 г. И здѣсь также читаемъ: „Понеже науки не терпятъ принужденія, и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо считаются; того ради какъ въ Университетъ, такъ и въ Гимназію не принимать никакихъ крѣпостныхъ и помѣщиковыхъ людей; однако, ежели который дворянинъ, имѣя у себя крѣпостного человѣка сына, въ которомъ усмотритъ особливую остроту, пожелаетъ его обучить свободнымъ наукамъ,—оный долженъ напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ..." И въ университетскихъ гимназіяхъ, одной для дворянъ, другой для разночинцевъ, нѣтъ также мѣста для крѣпостныхъ людей.

На ряду съ Суворовымъ, геніальнымъ Суворовымъ, другомъ своихъ солдатъ, отцомъ своихъ крѣпостныхъ, образцомъ помѣщичьей гуманности и заботливости,—и у котораго крестьянъ все же сѣкли, а дѣвокъ-невѣстъ отбирали для свадебъ съ дворовыми и отсылали, „какъ куръ", въ городъ (подлинное выраженіе изъ приказовъ Суворова); - и съ Болотовымъ, тоже образцомъ гуманнаго помѣщика, членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, тѣмъ не

менѣе, также сѣкшимъ и пытавшимъ крестьянъ, съ отвращеніемъ, но все же сѣкшимъ ихъ, такъ какъ считалъ это неизбѣжнымъ,—вотъ предъ нами и Ломоносовъ, великій ученый, художникъ слова, борецъ за науку, за просвѣщеніе, заклятый врагъ всякихъ гонителей знанія, самъ къ тому же вышедшій изъ народа,—и не пропускавшій въ храмъ науки холопьихъ и крѣпостныхъ дѣтей... И чтобы наложить уже послѣдній штрихъ, послѣднюю характерную для XVIII вѣка краску, на эту картину,—вотъ жалоба Ломоносова на прислугу его лаборанта, жившаго въ одномъ домѣ съ нимъ; дѣло происходитъ въ маѣ 1756 г.:

„Отъ служанокъ его чинятся фамиліи моей напрасныя и наглыя обиды, такъ что недавно дѣвка его безчестными словами дочерь мою съ крыльца сослала. И какъ жена моя вышла и спросила, зачѣмъ оная дѣвка такъ поступаетъ, то она, поворотясь задомъ и опершись о перила, давала грубые отвѣты. И какъ уже неоднократно прежде было, что оный Беттигеръ за обиды, моимъ домашнимъ учиненныя, людей своихъ не наказывалъ, а суда на нихъ просить смѣшно и стыдно, для того велѣлъ я ту дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служанокъ была спокойна...“

Надо прибавить, что и самъ Беттигеръ вынужденъ былъ покинуть послѣ этого инцидента службу въ лабораторіи...

Портретъ М. В. Ломоносова.

III.

ЦАРСТВО НАУКИ.

Съ 1757 г. Ломоносовъ разстался со своей кафедрой химіи, онъ не профессоръ больше. Нѣмецъ Зальховъ занялъ его кафедру, занялъ и лабораторію при Боновскомъ домѣ и квартиру; Ломоносовъ переѣхалъ въ другую часть города, и поселился на Мойкѣ, въ собственномъ каменномъ домѣ, на томъ

мѣстѣ, гдѣ теперь одно изъ зданій почтамта. Съ нимъ перебралась и его семья,—жена и дочь. Жена— Елизавета Цильхъ, нѣмка, такъ неожиданно пріѣхавшая къ нему изъ Марбурга, 20 лѣтъ назадъ, но не успѣвшая и въ 20 лѣтъ научиться достаточно порусски, чтобы подписывать свое имя, – она до конца подписывается по нѣмецки. Ломоносовъ окруженъ семьей; но не смотря на такія семейныя условія, хозяйство его идетъ плохо, и домъ его—не совсѣмъ полная чаша. Самъ онъ вѣчно въ долгу, вѣчно проситъ казенныхъ субсидій и заказовъ для своей мозаичной фабрики, и на камзолѣ его простыя стеклянныя пуговицы. Пушкинъ разсказываетъ о немъ: „Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ.“ Вдова одного стараго профессора, услыша, что идетъ рѣчь о Ломоносовѣ, спросила: „О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ.“

Но не въ кофейникахъ было богатство Ломоносова. Въ новомъ домѣ у него свой ученый кабинетъ, своя библіотека, своя лабораторія. Тутъ ученое его царство.

Послушна мнѣ, вѣрна моя держава,—

можетъ онъ сказать словами Пушкинскаго скупого рыцаря:

Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава.
Я царствую...—

Въ этомъ ученомъ царствѣ проводитъ онъ большую часть своихъ часовъ.

Здѣсь предается онъ мирнымъ занятіямъ наукой, здѣсь онъ пускается въ новыя для него области знанія, въ астрономію, геологію, географію и исторію, изучаетъ движеніе маятника, вникаетъ въ сѣдую древность лѣтописей, штудируетъ Посошкова,—книга „О скудости и богатствѣ“ стоитъ у него на полкѣ. Здѣсь посѣщаетъ его Шуваловъ, отсюда громитъ академическіе порядки нашъ собственный, рожденный русской землей Ньютонъ.

Въ эту мирную культурную обитель не достигаетъ шумъ отдаленныхъ битвъ, не доносится „гроза военной непогоды“. Тамъ, за предѣлами Ломоносовскаго дома, идетъ великая семилѣтняя война, далекая предшественница нашихъ великихъ войнъ, русскія арміи разбиваютъ „скоропостижнаго“ короля, доводятъ его до отчаянія, почти до самоубійства, берутъ столицу прусскаго милитаризма, Берлинъ,—въ союзѣ съ Франціей и Австріей стараются обуздать полетъ одноглаваго прусскаго орла.

Въ домѣ на Мойкѣ не прерывается мирная научная работа, она даже ярче выступаетъ, рѣзче подчеркивается на кровавомъ военномъ фонѣ. „Пѣвецъ возлюбленной тишины“ не остается глухъ къ вѣяніямъ великой борьбы, и дастъ на нихъ свой отзвукъ и свой отвѣтъ. Идейная защита мира не приводитъ Ломоносова къ призыву сложить оружіе и прекратить войну; нѣтъ, война съ Пруссіей для него священна,

она имѣетъ въ его глазахъ свой высокій смыслъ. Въ одѣ 1757 г. онъ влагаетъ въ уста Елизаветы гордыя слова:

Шестнадцать лѣтъ нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру;—

—и если теперь пришлось вынуть мечъ изъ ноженъ и выступить въ борьбу съ прусскимъ королемъ, такъ это потому, что Фридрихъ—

Присяжны преступилъ союзы,
Поправши нагло святость правъ;

и Ломоносовъ привѣтствуетъ эту войну, привѣтствуетъ рѣшимость Россіи—

Воздвигнуть противъ брани брань.

Брань противъ брани... Такую войну могъ принять Ломоносовъ, могъ сочувствовать ей всей душой. И это не было измѣной миру: два года спустя, въ 1759 г., на страницахъ своей ученой работы: „О точности морского пути“, онъ предается мечтамъ о томъ времени, когда, выражаясь словами другого поэта,—

Народы, распри позабывъ,
Въ единую семью соединятся.

Онъ чертитъ заманчивую картину общаго умиротворенія, и высчитываетъ, что можетъ миръ принести культурѣ:

„О еслибы оные труды, попеченія, иждивенія и неисчетное многолюдство, которые война похищаетъ и истребляетъ, въ пользу мирнаго и ученаго мореплаванія употреблены были;—то бы не токмо неизвѣстныя еще въ обитаемомъ свѣтѣ земли, не токмо подъ неприступными полюсами со льдами соединенные береги, открыты;—но и дна бы морского тайны, рачительнымъ человѣческимъ снисканіемъ, кажется, изслѣдованы были. Взаимнымъ бы сообщеніемъ избытковъ, коль много прирасло бы наше блаженство, и день бы ученій колико яснѣе воссіялъ бы откровеніемъ новыхъ естественныхъ таинствъ".

Ломоносовъ писалъ это въ годъ Кунерсдорфской битвы...

Хорошо должно теперь работаться Ломоносову. Ему подъ 50 лѣтъ, онъ на самомъ верху своей славы. Въ Академіи онъ завѣдуетъ всей ученой частью, его слушается Разумовскій; при дворѣ ему покровительствуетъ Шуваловъ. Плановъ къ иллюминаціямъ и фейерверкамъ и надписей къ нимъ онъ больше не составляетъ, съ 1755 г.,—отъ этого ему удалось отбояриться; трагедій тоже не пишетъ по Высочайшему приказу. Онъ въ силѣ, и можетъ, да и умѣетъ постоять за себя; „съ нимъ шутить"—говоритъ Пушкинъ—„было накладно: онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи,... гдѣ не смѣли при немъ пикнуть". И когда Шуваловъ, разсердившись на него, закричалъ: „Я отставлю тебя

отъ Академіи".—„Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ Академію отъ меня отставятъ". „Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій",—прибавляетъ Пушкинъ. Ни академическая канцелярія, ни Шуваловъ, ни Разумовскій ему не страшны; Разумовскому онъ пишетъ угрожающія посланія; самъ св. синодъ, обиженный Ломоносовымъ, не можетъ до него добраться.

При такихъ условіяхъ, Ломоносовъ можетъ, казалось бы, на полномъ просторѣ отдаться научнымъ занятіямъ, и прежде всего тѣмъ наукамъ, въ которыхъ онъ специализировался, въ которыхъ онъ уже пріобрѣлъ имя.

Однако, это не совсѣмъ такъ. Шуваловъ склоняетъ его къ занятію другимъ дѣломъ, къ историческимъ изысканіямъ, императрица хочетъ видѣть „Россійскую исторію, написанную его штилемъ"; надо упражняться и въ стихотворствѣ, писать оды Елизаветѣ, Шувалову посвящать поэмы. Въ 1756 г. въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, съ ораторской каѳедры, Ломоносову приходится заявить, что онъ не въ состояніи отдаться всецѣло своей научной работѣ, такъ какъ принужденъ тратить время на другія занятія; онъ говоритъ: „желалъ бы я показать для утвержденія сея системы (цвѣтовъ) всѣ примѣры изъ многочисленныхъ опытовъ,—хотѣлъ бы я изъяснить все, что о цвѣтахъ 15 лѣтъ думалъ,—но къ ясному сего истолкованію необходимо нужно предложить всю мою систему физиче-

ской химіи, которую совершить и сообщить ученому свѣту препятствуетъ мнѣ любовь къ Россійскому слову, къ прославленію Россійскихъ героевъ и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества". Ученый свѣтъ остается безъ высоко-цѣннаго, можетъ быть, научнаго труда, по спеціальности Ломоносова, и получаетъ взамѣнъ „Краткій россійскій лѣтописецъ", и героическую поэму „Петръ Великій",— оба произведенія изданы въ 1760 г. „Краткій россійскій лѣтописецъ" посвященъ наслѣднику престола Павлу Петровичу, въ надеждѣ, что внукъ Петра будетъ русскимъ Соломономъ. А знаменитая Петріада посвящена Шувалову, и поднесена ему ко дню его рожденія, 1 ноября; въ посвященіи самъ авторъ признается, что къ этой работѣ побудилъ его Шуваловъ:

Тобою поощренъ, въ сей путь пустился я;
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...—
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами,
Стремлюся на Парнасъ, какъ легкими крылами...—

Но „легкокрылая" Петріада не кажется уже намъ такою, и не за „Краткаго лѣтописца" цѣнимъ мы Ломоносова; не это—лучшія украшенія въ вѣнцѣ его славы. О „Лѣтописцѣ" писалъ еще Шлецеръ, что это— „исторія, написанная профессоромъ химіи,—все равно, какъ еслибы химію написалъ историкъ". А Петріада давно и заслуженно совсѣмъ забыта.

За Петріаду обрушивается на Ломоносова Сумароковъ, съ жестокою эпиграммой въ видѣ эпитафіи:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Фирсъ Фирсовичъ Гомеръ,
Который пѣлъ, не знавъ галиматіи мѣръ.
Великаго воспѣть онъ мужа устремился:
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ—и осрамился,
Оставивъ по себѣ потомству вѣчный смѣхъ.
Онъ море обѣщалъ, а вылилася лужа.
Прохожій! возгласи къ душѣ имъ пѣта мужа:
Великая душа, прости вралю сей грѣхъ!

Съ Сумароковымъ вообще приходится Ломоносову бороться, и эта борьба нарушаетъ по временамъ покой научныхъ его занятій. Россійскій Расинъ, какъ величаетъ себя Сумароковъ, не упускаетъ случая, чтобы не уязвить Россійскаго Пиндара и Мальзерба, какъ другіе называютъ Ломоносова. Въ „Трудолюбивой пчелѣ“, издающейся Сумароковымъ и печатающейся въ академической типографіи, появляются злостныя пародіи на Ломоносова: „Вздорныя оды“, имѣющія въ обществѣ большой успѣхъ. Въ этихъ одахъ выводится, напримѣръ, поэтъ, которому авторъ влагаетъ въ уста такія рѣчи:

Въ безоблачной странѣ несуся,
Напившись ипокренскихъ водъ,
И, ихъ напившися, трясуся,
Производитель громкихъ одъ...—
Весь ротъ я, музы, разѣваю,
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму я самъ...—

Въ другомъ изданіи, смѣнившемъ потомъ „Пчелу“, Сумароковъ помѣщаетъ притчу, или басню, направ-

ленную на литературнаго его противника: „Оселъ во львовой кожѣ“;—Ломоносовъ не можетъ стерпѣть обиды, и отвѣчаетъ своею притчей: „Свинья въ лисьей кожѣ“. Литературная перепалка не прекращается, и переносится нерѣдко въ палаты Шувалова, гдѣ радушный хозяинъ-меценатъ стравливаетъ обоихъ соперниковъ и потѣшается ихъ борьбою, какъ послѣ самъ онъ откровенно объ этомъ разсказывалъ. О такихъ состязаніяхъ говоритъ и современникъ Тимковскій. Обѣ стороны доходятъ въ этомъ спорѣ до озлобленія, и не знаютъ мѣры въ своихъ нападкахъ.—„Въ спорахъ, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору бранью, такъ что Шуваловъ высылалъ ихъ обоихъ, или чаще Сумарокова. „Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, говорилъ Шуваловъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или, подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ“. „Но иногда мнѣ, говорилъ Шуваловъ, удавалось примирить ихъ, и тогда оба были очень пріятны“...

Не такъ пріятны такія примиренія были, какъ кажется, для Ломоносова. Вотъ что пишетъ онъ, послѣ одной такой сцены, Шувалову, 19 января 1761 г.:

„Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше В-Пр-во. Призвали Вы меня къ себѣ. Я думалъ,

можетъ быть какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т.-е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и Вы сами не ради...— Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ онъ пользу отечеству, я по малому таланту также готовъ стараться. И сіе есть истинное мое мнѣніе, какое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но и у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... — По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти;—постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте“...

Не мало силъ приходится тратить на Академію,

на преобразованіе ея порядковъ, улучшеніе ея университета и гимназіи. Съ 1757 г. Ломоносову открылась возможность больше прежняго влiять на эти дѣла,—Разумовскій назначилъ его, въ виду своего отъѣзда въ Малороссію и въ виду дряхлости и старости Шумахера, членомъ академической канцеляріи, наравнѣ съ Таубертомъ; въ 1758 г.—поручилъ ему надзоръ за всѣми учеными и учебными дѣлами Академіи; въ 1760—возложилъ на него управленіе университетомъ и гимназіей на основаніи новаго, выработаннаго самимъ Ломоносовымъ и не введеннаго еще оффиціально въ жизнь, устава. Ломоносовъ можетъ на практикѣ осуществлять свои просвѣтительныя идеи. До насъ дошелъ цѣлый рядъ его крупныхъ и мелкихъ распоряженій по ученой и учебной части, касавшихся и расписанія лекцій, и пріобрѣтенія для гимназіи писчей бумаги, и вопросовъ о столѣ и о помѣщеніи гимназистовъ; сохранились и сочиненныя Ломоносовымъ правила для учащихся въ академической гимназіи, „чтобъ они лѣность преодолѣвали послушаніемъ, воздержаніемъ, бдѣніемъ и терпѣніемъ, чистоту соблюдали и внѣшнимъ видомъ не вели себя гадко, потому что этимъ показываютъ не только свою лѣность, но и подлые нравы, а во время спроса урока другъ другу не подшептывали бы, а въ разговорѣ словъ подлыхъ и соромскихъ остерегались“. Приходится подумать и объ учителяхъ, „чтобъ они ходили на уроки и безъ довольной причины не пропускали“.

Но Ломоносову этого мало. Коренная реформа

Академіи недоступна; Ломоносовъ составляетъ новый „краткій способъ исправить академію“; онъ возводитъ цѣлый рядъ обвиненій противъ „гонителей наукъ“, и предлагаетъ ихъ устранить отъ академическихъ дѣлъ, а „науки“ всѣ „повѣрить“ ему, Ломоносову, и проф. Котельникову,—двумъ Россіянамъ;— „довольно и такъ иноземцы русскому юношеству препятствовали.“ Одновременно Ломоносовъ пишетъ 30 января 1761 г. письмо Теплову, старается всячески привлечь его на свою сторону, заручиться его содѣйствіемъ. Въ этомъ письмѣ Ломоносовъ объясняетъ, почему онъ не можетъ молчать въ такомъ дѣлѣ: „Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ“,— пишетъ онъ:—„да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, которой не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.“—„За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю.“— „Что жъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молодости, на старости не покину...“

Не смотря на всѣ эти отвлекающія отъ чисто научныхъ работъ условія, работы эти идутъ у Ломоносова полнымъ ходомъ. Дѣятельность его научной

мысли не ослабѣваетъ, но развивается, расширяясь и углубляясь, захватывая новыя области знанія, возносясь на новыя, неизвѣданныя раньше высоты. Всеобъемлющій геній Ломоносова переливается всѣми цвѣтами радуги, переходя отъ науки къ наукѣ, отъ химіи къ физикѣ, астрономіи, географіи, геологіи. Въ химической лабораторіи заканчиваются опыты „для изслѣдованія натуры цвѣтовъ"; и въ 1756 году результатомъ этихъ опытовъ является „Слово о происхожденіи свѣта и теоріи цвѣтовъ", говоренное Ломоносовымъ въ засѣданіи Академіи Наукъ. Производятся систематическія наблюденія надъ привѣшеннымъ длиннымъ маятникомъ, надъ его уклоненіями,—опыты, повторенные впослѣдствіи Фуко; въ особыя таблицы заносятся точныя записи 600 такихъ наблюденій. Для „Разсужденія о твердости и жидкости тѣлъ", въ 1760 г., устраиваются опыты съ замерзаніемъ ртути; въ сильный декабрьскій морозъ ртутный термометръ погружается въ снѣгъ, затѣмъ въ снѣгъ наливается крѣпкая водка, купоросное масло,—снѣгъ таетъ, температура падаетъ, термометръ опускается все ниже и ниже; мѣднымъ циркулемъ Ломоносовъ разбиваетъ стеклянный шарикъ, вынимаетъ замерзшую ртуть, и по этому шарику, твердому, какъ свинецъ или олово, ударяетъ обухомъ, рѣжетъ ножемъ, и ртуть снова растапливается, не смотря на большой морозъ. А среди всѣхъ этихъ опытовъ и наблюденій, въ умѣ Ломоносова зарождается и новая будущая работа,—первый въ Европѣ (не то что въ Россіи)

очеркъ геологической науки,—большой трактатъ „О слояхъ земныхъ"...

На ряду съ слоями земными, съ земными нѣдрами, привлекаютъ вниманіе Ломоносова и небесныя пространства. 26 мая 1761 г. предстоитъ интересное явленіе,—прохожденіе Венеры по диску солнца. Это явленіе громадной научной важности: оно дастъ возможность опредѣлить разстояніе земли отъ солнца. И вотъ, изо всѣхъ концовъ ученаго міра, изъ Россіи и изъ Зап. Европы, снаряжаются цѣлыя ученыя экспедиціи; астрономы ѣдутъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ; въ Петербургѣ наблюденія производятъ Красильниковъ и Кургановъ; долженъ бы наблюдать вмѣстѣ съ ними и проф. астрономіи, въ вѣдѣніи котораго обсерваторія, Эпинусъ,—но онъ не желаетъ наблюдать вмѣстѣ съ другими, такъ какъ они будутъ ему мѣшать, и отказывается вовсе отъ наблюденій. Ломоносовъ всецѣло занятъ приготовленіями къ этимъ наблюденіямъ: споритъ съ Эпинусомъ о составленномъ имъ чертежѣ явленія, споритъ и о правѣ русскихъ ученыхъ пользоваться обсерваторіей, составляетъ свою брошюру,—„Показаніе пути Венерина на солнечной плоскости, какимъ образомъ покажется наблюдателямъ и смотрителямъ въ разныхъ частяхъ свѣта";—высчитываетъ минуты, набрасываетъ чертежи... Въ самый день 26 мая стоитъ самъ у своей трубы, и направляетъ ее на солнце; въ закопченное стекло слѣдитъ за началомъ и концомъ явленія, отмѣчаетъ особенности видѣннаго, и,

первый въ Европѣ, дѣлаетъ выводъ—о существованіи около Венеры атмосферы,—выводъ, вполнѣ подтвердившійся впослѣдствіи. „Десятки астрономовъ разныхъ странъ наблюдали это прохожденіе“,—говоритъ проф. Меньшуткинъ:—„всѣ видѣли одно и то же, но только одинъ Ломоносовъ сдѣлалъ на основаніи своихъ наблюденій совершенно правильное заключеніе, что планета Венера окружена большою газообразною атмосферой...“

Представимъ Ломоносова за работой. Его наука—точная, опытная наука; онъ противникъ выдаваемыхъ за науку неосновательныхъ фантазій; противникъ „оныхъ размышленій, которыя по немногимъ познаннымъ явленіямъ однѣ почти великолѣпныя ученому свѣту показываютъ выкладки.“ „Изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія,—есть лутчей всѣхъ способъ къ изысканію правды.“ „Нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіяся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ.“ Эта достовѣрность зиждется на опытѣ и на единеніи всѣхъ наукъ, на ихъ взаимномъ союзѣ. Для всеобъемлющаго ума Ломоносова всѣ науки—его науки. Научныя дисциплины, самыя разнообразныя, проходятъ передъ нимъ,—онъ не замыкается ни отъ одной, старается проникнуть въ „тайности міра“ всѣми доступными путями; химія и физика, геологія и астрономія, географія и исторія,—всѣ должны подкрѣплять

и дополнять другъ друга; всѣ онѣ служатъ „пребогатой своей госпожѣ“ — Натурѣ, всѣ изслѣдуютъ „потаенныя ея сокровища.“ Химія ихъ разбираетъ, геометрія вымѣриваетъ, механика развѣшиваетъ, оптика высматриваетъ; всѣмъ этимъ „любопытный и неусыпный рачитель“ пользуется:

„Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстію оной; — безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ; — химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться могутъ.“ Союзъ наукъ, ихъ единеніе — для Ломоносова непререкаемый законъ научной работы. И этотъ союзъ онъ отстаиваетъ всегда и всюду, гдѣ что-либо ему угрожаетъ. За этотъ союзъ борется онъ съ „гонителями наукъ“, когда тѣ стараются разлучить ихъ. Со всѣмъ жаромъ и пыломъ своей души онъ доказываетъ противникамъ, что не должно препятствовать ученымъ „вступать въ другія науки, кромѣ своей профессіи“, надо, напротивъ, всячески стремиться къ этому: „Ибо часто требуетъ астрономъ механикова и физикова совѣта; ботаникъ и анатомикъ — химикова. Алгебраистъ пустого не можетъ всегда выкладывать, но часто долженъ взять физическую матерію. И такъ далѣе. Того ради, совѣтуя другъ съ другомъ, всегда должны имѣть дружеское согласіе. Слѣпъ физикъ безъ математики, сухорукъ безъ химіи. И такъ, если онъ своихъ глазъ и рукъ не имѣетъ, у другихъ заимствовать долженъ

однако свои чужихъ лутче и нельзя запретить ихъ употребленіе." (1755 г.)

Овладѣвъ этимъ „союзомъ наукъ", подчинивъ его себѣ, Ломоносовъ поднимается на недосягаемую высоту знанія; передъ нимъ открываются безбрежныя перспективы мірозданія, безграничное пространство міра становится доступно его мысли.—„Испытаніе натуры трудно, однако пріятно, полезно, свято,"— говорилъ Ломоносовъ въ своемъ „Словѣ о происхожденіи свѣта", (1756 г.). „Чѣмъ больше таинства ея (натуры) разумъ постигаетъ, тѣмъ вящщее увеселеніе чувствуетъ сердце...—Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли, и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили, разогнали мрачныя тучи, и въ чистое небо далече проникли...—Посмотримъ, коль великую громаду матерій на сіе дѣло они собрали; или какъ о древнихъ сказываютъ исполинахъ, гору великую воздвигли, дерзая приближаться къ источнику толикаго сіянія, толикаго цвѣтовъ великолѣпія. Взойдемъ на высоту за ними безъ страха; наступимъ на сильныя ихъ плечи, и поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ (предвзятыхъ) мыслей, устремимъ сколько возможно остроумія и разсужденія очи, для испытанія причинъ происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣта"...

Съ этой же высоты открываются и другія перспективы. Передъ окомъ астронома разсѣивались тучи, выступали причины свѣта; передъ взоромъ геолога проходитъ картина земного шара, съ сло-

ями чернозема, получившагося изъ согнитія животныхъ и растеній, съ каменными породами, создавшимися изъ отвердѣвшей глины, или разсыпавшимися въ песокъ, съ опроверженными древними лѣсами, пескомъ, иломъ и дерномъ покрытыми, мохомъ поросшими и перегорѣвшими въ теченіе вѣковъ въ каменный уголь; съ морскими животными, лежащими на вершинахъ горъ, или погребенными глубоко въ земныхъ нѣдрахъ.

Вотъ интересная процессія земныхъ червей и гадовъ, окаменѣвшихъ нѣкогда въ древесной смолѣ, обратившейся въ теченіе тысячелѣтій въ янтари; они обращаются къ автору съ эффектной рѣчью о странной своей судьбѣ; они разсказываютъ: —„пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностью растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію, услаждались между собою пріятностью благораствореннаго времени, и послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти,—и такъ садились мы на истекшую изъ деревъ жидкую смолу, которая насъ, привязавъ къ себѣ липкостію, плѣнила, и, безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду,—и словомъ въ янтарь претворила, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ“...—

Слѣдомъ за великолѣпными гробницами червей и

гадовъ, рисуются Ломоносову иныя, совсѣмъ иначе грандіозныя картины мірозданія,—рождаются горные хребты, невѣдомыя силы поднимаютъ ихъ изъ нѣдръ земли; не вѣтры и не дожди созидаютъ такія громады: „Прирастаютъ морскіе берега отъ смытаго съ горъ песку дождями,—заносятъ вѣтры пескомъ домы и башни;—но такимъ силамъ не подвержены великія горы. Свидѣтельствуютъ сильнымъ бурямъ и тучамъ смѣющіяся каменные хребты и вершины, презирающіе ужасную быстрину великаго океана... Иной силы требовала земная равная наружность, чтобы много выше равновѣсія морского поднять всю Азію, или хотя часть ея — Рифейскія горы. Иное должно было происходить движеніе, иной шумъ, звукъ и громъ, нежели каковы чувствуемъ во время сильной грозы и бури, при волнахъ бьющаго въ береги моря, или отъ стремленія падающихъ великихъ пороговъ; иное тогда было стенаніе работѣнствующія натуры, когда повелѣлъ Творецъ: да явится суша“... (1763).

Лѣтомъ занятія Ломоносова переносятся большей частью въ садъ. Садъ при домѣ на Мойкѣ большой; Ломоносовъ „самъ за нимъ ухаживаетъ, прививаетъ и очищаетъ деревья своимъ перочиннымъ ножикомъ, какъ видѣлъ то въ Германіи“, разсказываетъ его племянница. Въ лѣтнюю пору онъ почти не выходитъ изъ сада. Цѣлыми днями сидитъ въ бесѣдкѣ, обложенный книгами и бумагами, и пишетъ съ утра до вечера; племянница бѣгаетъ для дядюшки въ

погребъ за пивомъ, и подастъ ему прямо со льда; „бывало, сердечной мой такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю не пьетъ, не ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго съ кускомъ хлѣба и масла". „Сидя въ саду или на крыльцѣ въ китайчатомъ халатѣ, принимаетъ Ломоносовъ не только пріятелей, но и самыхъ вельможъ, дорожащихъ славою и достоинствами поэта выше своего гербовника". Среди этихъ вельможъ первое мѣсто занимаетъ Шуваловъ; „чаще всѣхъ и дольше всѣхъ,—разсказываетъ племянница,—сиживалъ у него знаменитый Меценатъ его; мы, домашніе, такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченной каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся, какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ; а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни".

Но не однихъ вельможъ принимаетъ у себя Ломоносовъ. Любитъ онъ вспомнить былыя времена, тряхнуть стариной,—и съ радостью встрѣчаетъ гостей съ родного сѣвера; „на широкомъ крыльцѣ накрывается дубовый столъ, и сынъ сѣвера пируетъ до поздней ночи съ веселыми земляками своими, приходящими изъ Архангельска на корабляхъ и привозящими ему въ подарокъ моченой морошки и сельдей; такое же угощеніе ожидаетъ и прочихъ горожанъ, пріѣзжающихъ по первому зимнему пути въ Петербургъ съ трескою".

Но такія пирушки рѣдки. У Ломоносова „по раз-

нымъ наукамъ столько дѣла, что онъ отказался отъ всѣхъ компаній, жена и дочь привыкли сидѣть дома, самъ онъ пустой болтовни не любитъ". Въ самомъ дѣлѣ, выростаютъ все новыя и новыя занятія. Въ географическомъ департаментѣ составляется большой атласъ Россійской имперіи, собираются свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ со всей Россіи, разсылаются черезъ сенатъ и синодъ, а затѣмъ и черезъ шляхетскій кадетскій корпусъ анкетные листы съ вопросами,—поступаютъ отвѣты, ихъ надо приводить въ систему; Ломоносову помогаетъ особый помощникъ, студентъ Абрамовъ.

Затѣмъ Ломоносовъ затѣваетъ новое большое дѣло,—собираніе матеріаловъ для задуманной имъ „Общей системы Россійской минералогіи". Въ своей бесѣдкѣ, въ глубинѣ сада, сидитъ онъ въ жаркій іюльскій день и пишетъ доношеніе въ канцелярію Академіи Наукъ, доказываетъ, какъ важно и нужно „знать внутренность россійской подземной натуры, и оную, для общаго приращенія наукъ, описавъ, показать ученому свѣту". „Въ пространномъ россійскомъ государствѣ коль великое множество должно быть разныхъ минераловъ, легко понять можно...—Къ изысканію оныхъ по всѣмъ мѣстамъ россійскаго государства требуется великое множество людей, знающихъ минералы, которыхъ у насъ весьма мало"... Но онъ, Ломоносовъ, „сыскалъ легкой и краткой способъ, которымъ въ одинъ годъ изо всей Европейской части россійскаго государства, а въ два или въ три и изо всей Сибири

собрать можно большую часть минераловъ... Къ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудокоповъ, и многія тысячи рудоискателей, каждой сильнѣе тысячи саксонцевъ. Рудоискателей во всякой деревнѣ довольно: всѣ не требуютъ никакого воздаянія, ни малѣйшаго принужденія, но натуральнымъ движеніемъ и охотою все исполняютъ, и только отъ насъ нѣкотораго вниманія требуютъ. Извиненія въ томъ проситъ (Ломоносовъ), что для уваженія сего полезнаго дѣла употребилъ онъ метафорическія рѣчи: сильныхъ рудокоповъ разумѣетъ многочисленныя россійскія рѣки, а рудоискателей называетъ дѣтей малыхъ. Рѣки—показываютъ въ берегахъ земную внутренность, до коей человѣческія силы достигнуть не могутъ,—и, располоскавъ оторванныя части горъ, по берегамъ разсыпаютъ, подвергая оныя зрѣнію всякаго человѣка... Малыя, а особливо крестьянскія дѣти вешнею и лѣтнею порою, играя по берегамъ рѣкъ, собираютъ разные камешки и, цвѣтомъ ихъ увлекаясь, въ кучки собираютъ, но не имѣя отнюдь любопытства, ниже зная пользу, оставляютъ или въ рѣки бросаютъ для забавы. Все сіе великое дѣйствіе натуры безъ народнаго отягощенія, въ великую государственную пользу и славу, легко употребить можно. Старосты и соцкіе должны приказать по деревнямъ, чтобы малыя ребята собирали и къ нимъ приносили всякіе камни, пески и глины, потомъ съ крестьянами, на ихъ подводахъ, отсылать въ городъ къ воеводѣ, а от-

туда въ Питеръ. Такъ „откроются (въ Россіи) многія подземныя сокровища“, и „умножится чрезъ то богатство и могущество нашего отечества“. Для подмоги себѣ въ разработкѣ всѣхъ имѣющихъ поступить минераловъ, Ломоносовъ проситъ у

Мозаичная картина Полтавской битвы, работы Ломоносова.

сената помощниковъ, „понятныхъ молодыхъ людей“, которыхъ онъ „обязуется въ одинъ годъ обучить минералогіи и пробирному дѣлу“.

Въ то же время идутъ работы по созданію грандіозной картины для монумента Петру Великому,—Полтавской баталіи. Эта картина создается уже не въ Усть-Рудицѣ, гдѣ у Ломоносова своя мозаичная фабрика, но въ новой мастерской, устроенной спеціально при его домѣ, на Мойкѣ, въ Петербургѣ. Здѣсь выстро-

ены мастерская и 10 покоевъ для мастеровыхъ; на содержаніе ихъ, на плату имъ тратятся большія деньги, приходится дѣлать долги, чтобы оплатить ихъ трудъ...

Въ тѣ же жаркіе іюльскіе дни 1761 г., и въ той же своей бесѣдкѣ, Ломоносовъ пишетъ прибавленіе къ брошюрѣ „О явленіи Венеры на солнцѣ". Открытіе на Венерѣ атмосферы приводитъ къ мысли, что тамъ могутъ произрастать растенія и существовать животныя,—словомъ къ мысли о множествѣ міровъ. Чтецы писанія и ревнители православія не могутъ на это согласиться: „сіе подобно коперниковой системѣ; противно закону." Ломоносовъ старается разсѣять эти сомнѣнія, разъяснить эти споры. Онъ ссылается на отцовъ церкви, допускавшихъ множество міровъ, споритъ и за Коперника, доказывая правильность его системы и поражая его противниковъ злостною эпиграммой:

Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого?

Всѣ возраженія этихъ ревнителей православія „препятствуютъ приращенію высокихъ наукъ", и Ломоносовъ со всей энергіей защищаетъ права науки отъ вмѣшательства въ нее религіи; религія и наука, вѣра и правда, по его мнѣнію, равноправны: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю притти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ

вражду всклеплетъ.—Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего суть физики, математики, астрономы и протчіе изъяснители Божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтирѣ научиться можно астрономіи или химіи."—„Грѣхъ всѣвать между ними (правдой и вѣрой) плевелы и раздоры".

И въ другихъ случаяхъ возможны столкновенія науки съ вѣрой. Геологу приходится говорить о древности земли, неизмѣримо большей, чѣмъ полагается по Ветхому Завѣту. Въ головѣ Ломоносова складывается опредѣленная точка зрѣнія, и онъ и по этому вопросу готовъ ополчиться и защищать права науки.

„Пусть другой разбираетъ всѣ лѣтописи церковныя

и свѣтскія,—христіанскія и языческія, употребляетъ высокую математику въ помощь; пусть опредѣляетъ годъ, день и его самыя мелкія части для мгновенія перваго творенія; пусть располагаетъ по небу стояніе и взаимное положеніе солнца, луны и планетъ, коль далече другъ отъ друга стояли, когда въ первые возсіяли; надъ Европою или надъ Америкою было первое великихъ свѣтилъ соединеніе? Я все ему уступаю, и ни въ чемъ не спорю... Но взаимно прошу и себѣ позволенія поискать того же въ своемъ лѣтописцѣ. Однако признаюсь, что никакого не нахожу приступа, никакова признаку къ подобнымъ точностямъ. То лишь могу сказать, что по оному всѣхъ старшему Лѣтописцу древность свѣта больше выходитъ, нежели по онымъ труднымъ выкладкамъ...—Нѣтъ сомнѣнія, что науки наукамъ много весьма взаимно способствуютъ, какъ физика химіи, физикѣ математика, нравоучительная наука и исторія стихотворству; однако же не каждая каждой. Что помогутъ хорошія рифмы въ доказательствѣ Пифагоровой теоремы? или что пользуетъ знаніе причины возвышенія и паденія Римской имперіи въ изъясненіи обращенія крови въ животномъ тѣлѣ? Такимъ же образомъ Уложеніе и Кормчая книга ничево не служатъ учащемуся астрономіи, равно какъ одно другому не препятствуетъ...—Кто въ таковыя (научныя) размышленія углубляться не хочетъ, или не можетъ, и не въ состояніи вникнуть въ премудрыя естественныя дѣла Божіи; тотъ довольствуйся чтеніемъ

Священнаго писанія и другихъ книгъ душеполезныхъ; управляй житіе свое по ихъ ученію. За то получить отъ Бога благословеніе, отъ Монаршей власти милость, отъ общества любленіе. Протчихъ оставляй онъ также въ покоѣ, услаждаться притомъ и премудрымъ Божескимъ строеніемъ вещей натуральныхъ, для такой же пользы, какую онъ получаетъ и получить уповаетъ."

Духовныя власти не уступаютъ; синодъ еще въ 1756 г. требовалъ, чтобы „никто не отваживался ничего писать и печатать о множественности міровъ." Не оставитъ, конечно, синодъ безъ возраженія и геологическихъ разсужденій о древности міра. Ломоносовъ, съ своей стороны, не хочетъ сдаваться. Не даромъ въ одномъ изъ его проектовъ регламента значится: „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ". (1760 г.) Это правило должно было войти въ текстъ привилегіи университета...

Ломоносовъ сидитъ въ саду, въ бесѣдкѣ, пишетъ свое прибавленіе къ Явленію Венеры, и вспоминаетъ прежнія стычки съ духовными властями. Это уже далеко не первый бой. Петръ Великій боролся съ „бородачами"; борется съ ними и Ломоносовъ. Четыре года назадъ, въ 1757 г., онъ обрушился на нихъ въ стихахъ, разразился ироническимъ „Гимномъ бородѣ". Тамъ были, между прочимъ, такія строфы:

Если кто невзраченъ тѣломъ
Или въ разумѣ незрѣломъ;
Если въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ,—
Будетъ взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ,
Для великой бороды:
Таковы ея плоды.

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатковъ и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О завѣса мнѣній ложныхъ,
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Этотъ гимнъ вызвалъ цѣлую бурю въ духовномъ мірѣ. Сперва было неизвѣстно, кто авторъ пасквиля; но скоро тайна раскрылась. Самъ Ломоносовъ признался въ авторствѣ. Эта была замѣчательная сцена; члены синода сами о томъ разсказывали, въ доносѣ императрицѣ: „Когда, по случаю бывшаго съ профессоромъ академіи наукъ Михайломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора о таковомъ во вся непотребномъ сочиненіи, отъ синодальныхъ членовъ разсуждаемо было, что оной пашквиль, какъ изъ слогу признавательно, не отъ простого, а отъ какого нибудь школнаго человѣка, а чють и не отъ него ли самого произошелъ, и что таковому сочинителю, ежели въ чювство не придетъ и не раскается, надлежитъ

какъ казни Божіей, такъ и церковной клятвы ожидать;—то услыша, означенной Ломоносовъ исперва началъ оной пашквиль шпински защищать, а потомъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пашквилному сочиненію авторомъ оказалъ, ибо въ глаза предъ синодалными членами таковыя ругателства и укоризны на всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь не можно." — „И не удоволствуяся тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ между многими явными уже духовному чину ругателствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ, ставитъ..." На нѣкоторыхъ спискахъ Гимна была еще добавочная надпись: „стихи на Сильвестра Кулябку" — а это былъ архіепископъ санктъ-петербургскій...

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ императрицѣ, подписанномъ четырьмя іерархами, во главѣ съ арх. Сильвестромъ, Синодъ требовалъ для виновнаго въ хулѣ на вѣру жестокаго наказанія, а для его пашквиля — сожженія, подъ висѣлицей, рукою палача.

Дѣло не ограничилось, однако, однимъ докладомъ синода. Неизвѣстный авторъ, скрывшій себя подъ именемъ Христофора Зубницкаго, прислалъ, якобы съ родины Ломоносова, изъ „Колмогоръ", три письма, одно самому Ломоносову, другое Миллеру и Поповскому, и третье Тредьяковскому; въ этихъ письмахъ онъ осыпаетъ автора „Гимна" бранью. „Лучшаго ничего нельзя ожидать отъ безбожнаго сумазброда и

пьяницы. Недовольно того, что сей негодной ярига, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговорахъ употребляетъ всякія насмѣшки и ругателства благочестивому закону нашему,—не довольно и того, что онъ безъ разбору на весь духовной чинъ вездѣ, какъ песъ лаетъ; онъ уже и письменныя противу святости закона глумленія и ругателства употребить отважился".

Но дѣло не только въ хулѣ на вѣру; онъ вообще „столко подлъ духомъ, столко высокомѣренъ мыслями, столко хвастливъ на рѣчахъ, что нѣтъ такой низости, которой бы не предпріялъ ради своего малѣйшаго интересу, на примѣръ, для чарки вина".—И какъ ученый, онъ очень много о себѣ мнитъ, а на самомъ дѣлѣ никуда не годится: „Нѣтъ въ свѣтѣ и не бывало такого человѣка, котораго бы онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми и толь въ свѣтѣ прославленными ихъ изысканіями: онъ всегда за лучшія и важнѣйшія свои почитаетъ являемыя въ міръ откровенія, которыми не толко никакой пользы отечеству не приноситъ, но еще напротивъ того вредъ и убытокъ, употребляя на оныя немалые казенные расходы, а напослѣдокъ вмѣсто чаемой похвалы и удивленія отъ ученыхъ людей заслуживая хулу и поруганіе...—Со всѣмъ тѣмъ, ежели кто незнающій ученыхъ шарлетановъ его послушаетъ, легко повѣрить можетъ, что онъ въ свѣтѣ первый полигисторъ."

Къ этимъ письмамъ приложена была, для напечатанія въ Академическихъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, и стихотворная отповѣдь „пашквилянту“, — „Имнъ пьяной головѣ“:

О коль въ свѣтѣ ты блаженна,
Голова, брадѣ замѣна.
Люди, правда, хоть велятъ
Въ бороду глупцамъ плевать,
Но твоя хмѣльная рожа
Болѣе къ тому есть гожа,
И на твой раздутый зракъ
Правѣй можетъ харкать всякъ.

Естли правда, что планеты
Нашему подобны свѣты,
Конче пьяницъ тамъ такихъ
Нѣтъ, и сумасбродовъ злыхъ,
Вѣру чтобъ свою ругали,
Тайны оной осмѣвали;
Естлижъ проявятся тутъ,
Дѣльно въ срубѣ ихъ сожгутъ...—

И этимъ дѣло не кончилось. Кто-то вступился за Ломоносова, и тоже въ стихахъ восклицалъ:

Пронесся слухъ, хотятъ кого то сжечь;—
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь...—

и обращался къ ревнителямъ бороды:

О вы, которыхъ онъ
Прогнѣвалъ паче мѣры,
Возставъ противу вѣры
И повредивъ законъ,

Не думайте, что мы вамъ созданы на шутки;
Хоть нѣтъ у насъ бородъ, однако есть разсудки.—

Неизвѣстно, кто писалъ эти новые гимны и сатиры; ихъ приписываютъ Сумарокову и Баркову. Подъ именемъ Зубницкаго думали видѣть Тредьяковскаго...—

Ломоносовъ можетъ съ спокойною душой вспоминать всю эту борьбу: въ срубѣ его не сожгли, не сожгли и его произведеній; императрица не согласилась съ духовными властями, и не выдала своего пѣвца головой синоду.

Поздней осенью того же 1761 г., когда писалось письмо къ Теплову объ утвержденіи наукъ въ отечествѣ и „Прибавленіе къ брошюрѣ о явленіи Венеры“ съ защитой свободной, свѣтской науки отъ посягательствъ духовенства, мы застаемъ Ломоносова уже не въ садовой бесѣдкѣ, а въ кабинетѣ, у жарко топящагося камелька, за новой работой, общественнаго характера. 1-е ноября—день рожденія Шувалова; надо поднести ему въ этотъ день какое-нибудь новое произведеніе своего таланта. Годъ назадъ была поднесена Петріада; теперь Ломоносовъ пишетъ большое письмо „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“. Оказывается, этими вопросами онъ занимался уже давно; „разбирая свои сочиненія“,—разсказываетъ онъ въ началѣ письма,—„нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи, разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ В. В Пр-ву, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго

отечества, въ упованіи, что, можетъ быть, найдется въ нихъ что нибудь къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено быть можетъ". И среди этихъ записокъ (ихъ 8) имѣются разсужденія о исправленіи земледѣлія, о лучшей государственной экономіи, о большемъ просвѣщеніи народа, и другія; на первый разъ Ломоносовъ беретъ одну тему, —о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, и разработавъ ее въ письмѣ, посылаетъ своему меценату.

Для размноженія и сохраненія народа Ломоносовъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, самыхъ разнообразныхъ. Тутъ есть и запрещеніе неравныхъ супружествъ,—„невѣста жениха не должна быть старѣе, развѣ только 2 годами, а женихъ старѣе можетъ быть на 15 лѣтъ;"—и запрещеніе священникамъ—вѣнчать кого-либо насильно (въ вѣкъ крѣпостного права это было повседневное явленіе),—„гдѣ любви нѣтъ, не надежно и плодородіе";—говорится о разрѣшеніи 4-го и по нуждѣ 5-го брака, а попамъ и діаконамъ—2-го брака, и о постриженіи въ монахи не ранѣе 50 лѣтъ. Для уменьшенія дѣтоубійствъ—проектируются народные богадѣльные дома для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріема (будущіе воспит. дома Екатерины), для борьбы съ дѣтской смертностью, составленіе и распространеніе книгъ о повивальномъ искусствѣ и о дѣтскихъ болѣзняхъ, и запрещеніе крестить дѣтей въ зимнее время въ холод-

ной водѣ; для уменьшенія смертности вообще—посылка русскихъ людей за-границу, для обученія медицинѣ, и умноженіе русскихъ аптекъ и аптекарей; для борьбы съ драками между помѣщиками, приключающимися при земельныхъ тяжбахъ — генеральное размежеваніе всѣхъ помѣстій; для борьбы съ побѣгами пограничныхъ жителей—облегченіе податей и рекрутчины, и т. д. и т. д.

Но всего любопытнѣе глава 8, о соблюденіи постовъ; здѣсь Ломоносовъ съ новой силой обрушился на церковные обычаи и порядки. „Паче другихъ временъ—пишетъ онъ въ письмѣ къ Шувалову—пожираютъ у насъ масляница и святая недѣля великое множества народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Розговѣніе тому жъ подобно.

„Вскорѣ слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности, накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водой и намъ съ мокротными и цынготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, рождаютъ болѣзни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ

и смерти ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе.

„Послѣ того приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, общая христіанская радость. Тогда, хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяютъ страсти Господни, однако мысли наши уже на святой недѣлѣ: иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи; иной думаетъ, поспѣетъ ли ему къ празднику платье; иной представляетъ, какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями; иной ожидаетъ, прибудутъ ли запасы изъ деревни; иной готовитъ живописныя яйца и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловаться съ красавицами или помилѣе свидаться. Наконецъ, заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ Воскресе только что въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены? Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри—рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ... недавніе строгіе постники. О! истинное пощеніе и празднество.

„Между тѣмъ бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна,

онѣ спираются, пересѣкается теченіе крови, и душа въ отворенныя тогда райскія двери изъ тѣсноты тѣла прямо, какъ думаютъ, улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться, по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью исходитъ.

„Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣненное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеописанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ, самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масляницѣ пріуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишне, и говѣетъ болѣе духомъ, нежели брюхомъ; на святой недѣлѣ радуется о препровожденіи великаго поста въ истинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ, а не о томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, — тотъ конечно меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго времени, а особливо, когда трудами кровь приводитъ въ движеніе и словомъ содержитъ себя, хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умѣренными, безъ крутыхъ скачковъ и пригорковъ. Но здѣсь на сѣверѣ сіе по концамъ тучное, а въ середкѣ сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имѣютъ никакой большой работы“... „Расположите, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое способнѣйшее время...

Для толь важнаго дѣла можно въ Россіи вселенскій соборъ составить: сохраненіе жизни столь великаго множества народа того стоитъ".

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

„А сверхъ того ученьемъ вкоренить всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда мы имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубивства вредными

пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую часть того времени простоялъ на головѣ, вмѣсто земныхъ поклоновъ.

„Исправленію сего недостатка ужасныя обстоятъ препятствія; однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто, и новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійскій народъ гибокъ!“

IV.

ГОДА СЛАВЫ.

24 декабря 1761 г. кончилось двадцатилѣтнее царствованіе „Кроткія“ Елисаветы; черезъ полгода, 28 іюня 1762 года, послѣ кратковременнаго правленія Петра III, на престолъ вступила новая императрица, и началась новая эпоха русской исторіи, — вѣкъ Екатерины. Новое время, новыя птицы, новыя пѣсни. Мѣнялась вся жизнь вокругъ „собственнаго Ньютона“, рожденнаго русской землей; въ новыхъ условіяхъ печально доживалъ свои дни пѣвецъ Елисаветы.

Друзья Ломоносова, оба вельможные его покровители-меценаты, Шуваловъ и Воронцовъ, были теперь далеко: съ воцареніемъ Екатерины оба они вынуждены были покинуть дворъ и отправиться странствовать по чужимъ краямъ; Шуваловъ вернулся оттуда лишь черезъ 14 лѣтъ. У воротъ Ломоносовскаго дома, на Мойкѣ, не появляется больше раззолоченная шуваловская карета шестеркой, не шлютъ изъ шуваловскихъ рощъ и оранжерей ни грибовъ, ни ананасовъ; при дворѣ блестятъ новыя звѣзды, братья

Орловы... Ненавистный Таубертъ получаетъ награды, Тепловъ дѣйствуетъ въ кабинетѣ императрицы.

Ломоносовъ вспоминаетъ свои заслуги, какъ онъ 20 лѣтъ „украшалъ Россійскую Академію“ своимъ ученіемъ, рѣчами и диссертаціями, какъ своими сочиненіями онъ „россійскій стиль вычистилъ“, какъ „терпѣлъ за то, что старался защитить дѣло Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство...“ Годы проходятъ, незамѣтно подкрадывается смерть,—но онъ „не тужитъ о смерти: пожилъ, потерпѣлъ, и знаетъ, что о немъ дѣти отечества пожалѣютъ...“

Дѣти отечества пожалѣютъ,—но пока все еще приходится терпѣть. При дворѣ съ нимъ творятъ что-то непостижимое. Новая императрица то отставляетъ его отъ Академіи, то беретъ свой указъ объ отставкѣ назадъ и награждаетъ его чиномъ статскаго совѣтника; то отнимаетъ у него завѣдываніе географическимъ департаментомъ Академіи и поручаетъ его Миллеру, то отбираетъ у Миллера и вновь возвращаетъ Ломоносову. И самъ Ломоносовъ уже не тотъ. Ему нѣтъ еще 55 лѣтъ, а онъ уже разсѣянъ, какъ старый ученый, разсѣянъ до смѣшного, до анекдотовъ; племянница смѣется надъ нимъ, разсказывая, какъ онъ пишетъ и ѣстъ: „рѣдко напишетъ бумагу, чтобы не засыпать ее вмѣсто песку чернилами... Во время обѣда, вмѣсто пера, кладетъ за ухо ложку, которой хлебалъ горячее, и утирается своимъ парикомъ, который снимаетъ съ себя, когда принимается за щи“.

Однако, работы ученаго идутъ своимъ чередомъ. Въ эти годы выходитъ въ свѣтъ новое изданіе старой его работы—„Основы металлургіи“, и въ приложеніи къ нему—совсѣмъ новый и замѣчательный трудъ,—„О слояхъ земныхъ“,—первый не только у насъ, но и въ Европѣ, блестящій очеркъ геологической науки, опередившій обоихъ свѣтилъ геологіи XVIII вѣка—и Вернера, и Бюффона,—и предварившій новую науку XIX столѣтія. Книга эта переплетается въ красный сафьянъ съ богатою позолотой, для поднесенія Императрицѣ и Наслѣднику престола,—и въ марморовый бантъ, для раздачи знатнѣйшимъ особамъ; экземпляръ ея, во французскомъ переплетѣ, стоитъ на полкѣ у автора. Печатается „Древняя Россійская исторія, отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава I, или до 1054 г., сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ, статскимъ совѣтникомъ, профессоромъ химіи и членомъ Спб. Императорской и Королевской Шведской Академій Наукъ“, къ которой такъ склоняли профессора химіи и Елизавета, и Шуваловъ; но эта книга все еще не совсѣмъ готова,—Ломоносовъ недоволенъ своимъ созданіемъ, отдѣлываетъ и передѣлываетъ первые ея листы, гдѣ говорится о происхожденіи Россійскаго народа. „Велико есть дѣло—смертными и преходящими трудами дать безсмертіе множеству народа... Мраморъ и металлъ, коими видъ и дѣла великихъ людей изображенныя всенародно возвышаются, стоятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно и ветхостію разруша-

ются. Исторія, повсюду распростираясь и обращаясь въ рукахъ человѣческаго рода, стихіи строгость и грызеніе древности презираетъ...“ Такъ пишетъ Ломоносовъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—и никакъ не можетъ ее докончить....—Одновременно разрабатывается проектъ первой русской полярной экспедиціи. Давно уже мечталъ Ломоносовъ о дальнихъ плаваніяхъ, о морскихъ открытіяхъ русскихъ людей; онъ охотно представлялъ себѣ, какъ—

Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы...—

и какъ—

Колумбы русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,—
И наша досягнетъ въ Америку держава...

Теперь мечты становятся дѣйствительностью. Ломоносовъ подаетъ Наслѣднику престола, 9 ти-лѣтнему Павлу Петровичу, только что назначенному генералъ-адмираломъ, свою новую работу, „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“—„Сѣверный океанъ,—писалъ Ломоносовъ въ этой книгѣ,—есть пространное поле, гдѣ усугубиться можетъ россійская слава, соединенная съ безмѣрною пользой, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку.“—Никакія трудности этого пути, никакія опасности и жертвы не должны были, по мнѣнію автора,

остановить этого предпріятія: „если для пріобрѣтенія малаго лоскутка земли,—говорилъ онъ,—или для одного только честолюбія – посылаютъ на смерть многія тысячи народа, цѣлыя арміи,—то здѣсь ли должно жалѣть около ста человѣкъ, гдѣ пріобрѣсти можно цѣлыя земли, въ другихъ частяхъ свѣта, для расширенія мореплаванія, купечества, могущества, для государственной и государевой пользы, для показанія морскихъ россійскихъ героевъ всему свѣту и для большаго просвѣщенія всего человѣческаго роду.“ Проектъ былъ одобренъ, и 14 мая 1764 г. Екатерина подписала указъ о снаряженіи полярной экспедиціи, объ отпускѣ на это дѣло изъ казны 20 тыс. рублей, о наборѣ команды и офицеровъ. „По сему дѣлу повелѣваемъ присутствовать ст. сов. и проф. Михайлѣ Ломоносову“,—говорилось въ концѣ указа.

Ломоносовъ—душа предпріятія. Онъ долженъ за всѣмъ слѣдить, всѣмъ руководить. Приготовленія идутъ полнымъ ходомъ; пріобрѣтаются теплая одежда, съѣстные припасы, „сушеный супъ со специями и безъ специй“, и на ряду съ этимъ—различныя противоцынготныя средства; строятся избы, амбаръ и баня для отправки на Шпицбергенъ, гдѣ предстоитъ зимовье; при Академіи такъ же идутъ работы,—„подъ смотрѣніемъ и по показанію Ломоносова“—дѣлаютъ подзорныя трубки, морскіе барометры, астрономическіе часы, термометры для опусканія на дно, компасы, карты полярныя и таблицы разстоянія луны отъ солнца и затмѣнія спутниковъ Юпитера. Изъ

адмиралтействъ-коллегіи присылаютъ въ Академію штурмановъ и штурманскихъ учениковъ, „для обученія въ астрономіи обсерваціи"; Ломоносову приходится смотрѣть за ними, и писать подробную инструкцію для начальника экспедиціи Василія Чичагова. „Рангами оныхъ пожаловать",—писалъ Ломоносовъ въ припискахъ своихъ къ этой инструкціи объ офицерахъ, назначенныхъ въ экспедицію... (Экспедиція состоялась уже послѣ смерти Ломоносова; и кончилась неудачей: Чичаговъ принужденъ былъ вернуться, не пробившись сквозь полярные льды. Ломоносовъ не дожилъ до этой неудачи... Лишь 108 лѣтъ спустя англичанамъ удалось открыть въ полярныхъ краяхъ свободное ото льда море и оправдать мысль Ломоносова—о возможности сѣверо-восточнаго пути...)

На ряду съ той кипучей работой, которая вызвана экспедиціей, не прерываются ни на мигъ и многія другія занятія. Въ географическомъ департаментѣ продолжается собираніе свѣдѣній о Россіи для большого Россійскаго атласа, задуманнаго Ломоносовымъ; тамъ же составляются экономическія карты Россіи, и затѣвается экономическій лексиконъ; изготовляются, „для общаго употребленія и пользованія" тысяча географическихъ глобусовъ; за неимѣніемъ для этого казенныхъ средствъ, Ломоносовъ дѣлаетъ это на свой счетъ. Почти одновременно публикуется во всеобщее свѣдѣніе, что „статскій совѣтникъ и проф. Ломоносовъ, авторъ книги „Первыя основанія металлургіи", намѣренъ для общаго знанія и приращенія

рудныхъ дѣлъ во всей Россійской имперіи сочинить описаніе рудъ и другихъ минераловъ, находящихся на всѣхъ россійскихъ заводахъ; изъ чего бы составить общую систему Минералогіи Россійской..." „Но какъ сего дѣла не можно произвести, не имѣя самыхъ рудъ со всѣхъ россійскихъ заводовъ",—то Ломоносовъ и проситъ заводчиковъ присылать ему всякія руды и минералы со всей Россіи. Прилагается подробная инструкція, что именно слѣдуетъ присылать, въ какомъ видѣ и съ какими указаніями. Въ благодарность за эти присылки авторъ обѣщаетъ приславшимъ пропечатать въ книгѣ ихъ имена, и сверхъ того обѣщаетъ дать безплатно самую книгу. Циркуляръ разсылается по Россіи, и съ одного завода уже шлютъ Ломоносову записку о рудныхъ породахъ тамъ имѣющихся,—и статсъ секретарь императрицы, А. В. Олсуфьевъ, получаетъ приказаніе „дать Ломоносову всѣ извѣстія, которыя у насъ есть (въ Кабинетѣ), и съ рудами, а которыхъ нѣтъ прислать съ заводовъ,—и сказать,—чтобы также съ другихъ заводовъ отпустили Ломоносову". А пока собираются матеріалы для Россійскаго атласа, для Россійской минералогіи, изготовляются глобусы для Россійскаго просвѣщенія и снаряды и припасы для Россійской экспедиціи,—поспѣваютъ въ рукахъ гравера и мѣдныя доски съ изображеніемъ, по рисункамъ Ломоносова, различныхъ видовъ сѣвернаго сіянія, въ числѣ 13-ти; для объясненія этихъ рисунковъ, Ломоносовъ разставляетъ на нихъ латинскія

буквы, и готовитъ краткіе тексты, съ ихъ описаніемъ...

А въ мозаичной мастерской (тутъ же на Мойкѣ) идетъ своя работа. Тамъ создается грандіозная „Полтава". Въ 1758 г., стараніями гр. П. И. Шувалова, Ломоносову удалось добиться большого казеннаго заказа: „дщерь Петра" рѣшила соорудить, въ соборѣ Петра и Павла, монументъ великому своему отцу, съ колоннами, коронами и гербами, съ многочисленными символическими фигурами, и статуями самого уходящаго отъ свѣта Петра, и удерживающаго его за руку Геніуса, и съ 10 мозаиками въ простѣнкахъ; въ мозаикахъ должны быть представлены Азовъ и Полтава, начало флота и Гангудъ, учрежденіе сената и заложеніе Петербурга. Остальныя картины еще не начаты, начато взятіе Азова, а докончена цѣликомъ, въ мартѣ 1764 г., „Полтавская баталія". Это большая картина, въ 3 сажени длиной и въ 2 шириной; она „набрана изъ мозаичныхъ составовъ въ мѣдной плоской сковородѣ, которая тянетъ (то есть вѣситъ) 3 тыс. фунтовъ (больше 80 пудовъ), кромѣ рамъ мѣдныхъ, и укрѣплена желѣзными полосами вѣсомъ 2 тыс. фунтовъ (слишкомъ 50 пудовъ), поставлена на бревенчатой машинкѣ, которая удобно поворачивается для лучшей способности самой отдѣлки и для смотрѣнія, когда надобно". Петръ изображенъ на конѣ;—„голова его исполнена по восковому портрету изъ Кунсткамеры, а красками написана по лучшимъ портретамъ, какіе нашлись въ

Петербургѣ; за Петромъ-фигуры его генераловъ, Шереметева, Меншикова, Голицына, взятые тоже съ оригиналовъ"... (Мозаика „Полтавская баталія" хранится теперь въ Петроградѣ, въ музеѣ Имп. Общества Поощренія Художествъ; ее пришлось сильно реставрировать). Одновременно съ завершеніемъ работъ по „Полтавѣ", создаются два новыхъ мозаичныхъ портрета, Петра III и затѣмъ Екатерины II; особенно удается портретъ Екатерины, въ его серебристо сѣрыхъ, жемчужныхъ тонахъ и переливахъ.. (Оба портрета хранятся теперь въ Имп. Эрмитажѣ).

Ломоносова начинаетъ теперь баловать слава. Онъ получаетъ европейскую извѣстность. Въ 1763 г. его выбираетъ своимъ членомъ Россійская Академія Художествъ, только что учрежденная въ Петербургѣ, - и онъ готовитъ большую рѣчь на торжество инавгураціи новой Академіи, и въ этой рѣчи высказываетъ лишній разъ свою любимую мысль—о необыкновенной способности къ наукѣ русскаго народа: „Никто въ семъ не усумнится, кто оглянется на минувшее время нынѣшняго столѣтія отъ начавшагося просвѣщенія Петрова и разсудитъ, чему Россіяне передъ прежнимъ научились... Не ясно ли воображаете способность нашего народа, толь много предуспѣвшаго во время едва большее половины человѣческаго вѣку." Въ томъ же году изъ далекой Италіи приходитъ извѣстіе о избраніи Ломоносова членомъ Болонской Академіи Наукъ,—объ этомъ избраніи хлопоталъ старый покровитель ученаго,

странствовавшій по Европѣ, Воронцовъ; въ Италіи, повидимому, особенно оцѣнили работу русскаго химика по свѣту—и его мозаическія работы... А съ нѣкотораго времени Ломоносовъ получилъ право писать на своихъ рѣчахъ и книгахъ: „и членъ шведской королевской академіи наукъ“.

Посреди всего этого, лѣтомъ 1764 г., Ломоносова посѣтила въ его домѣ Екатерина II. Объ этомъ посѣщеніи разсказывается въ запискахъ кн. Дашковой: „Незадолго до кончины его (Ломоносова) пріѣзжаю во дворецъ, и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: „нашъ Михайло Васильевичъ что то слишкомъ закручинился, поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ“....Немедленно отправились мы къ поэту, и застали его въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: „здравствуйте, Михайло Васильевичъ“,—онъ вскочилъ, какъ будто съ-просонокъ. „Я пріѣхала съ княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи, или лучше сказать, о вашей грусти“. Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!“—„Полечите ее, отвѣчала Екатерина, полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что

также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что же, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?“ — „Измѣнить вамъ, матушка государыня! Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье,
И неусыпность—нашъ покой.

Слезы брызнули въ очахъ Екатерины, и она возразила: „Вѣрю, вѣрю, Михайло Васильевичъ. А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такія же горячіе, какими потчивала васъ ваша хозяйка“.

Въ Спб. Вѣдомостяхъ за 1764 г. это же посѣщеніе было описано такъ; „Сего іюня 7 дня по полудни въ четвертомъ часу благоизволила Е. И. В. съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами удостоить Своимъ высокомонаршескимъ посѣщеніемъ статскаго совѣтника и профессора г. Ломоносова въ его домѣ, гдѣ изволили смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчнославныя памяти Гос. Имп. Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ Отечествѣ. При конча-

нія шестого часа, оказавъ всемилостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться. Помянутый г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ при отъ-

Екатерина II у Ломоносова.

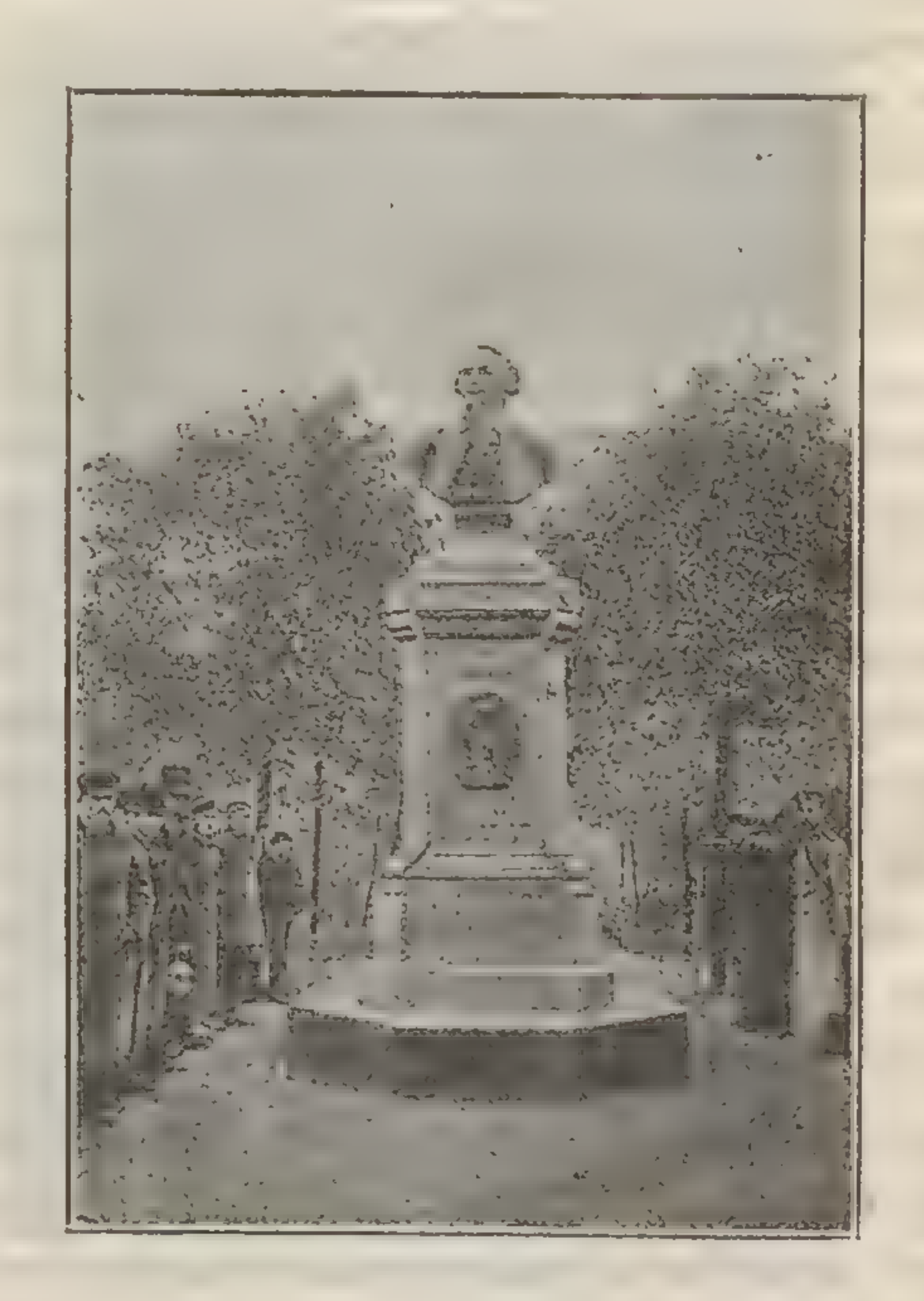
ѣздѣ подалъ Е. И. В—ву всеподданѣйше стихи тогдашняго имъ сочиненія:—

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты

Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель.

Меньше года прошло съ тѣхъ поръ, и Ломоносова не стало. Онъ умеръ въ 1765 г. 4 апрѣля, на второй день Пасхи. Таубертъ разсказываетъ о его смерти: „Ломоносовъ перемѣнилъ здѣшнюю временную жизнь на вѣчную въ прошедшій понедѣльникъ, около пяти часовъ по полудни, послѣ новаго припадка своей прежней болѣзни, который у него сдѣлался отъ простуды. За два дня до своей кончины онъ причащался и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощанія въ полномъ разумѣ какъ со своею женою и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими"....— Штелинъ добавляетъ къ этому слѣдующія подробности: „За нѣсколько дней до своей кончины сказалъ онъ (Ломоносовъ, Штелину): другъ, я вижу, что я долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринялъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь при концѣ жизни моей долженъ видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною".

Ломоносовъ былъ болѣе, чѣмъ правъ. Не только его намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нимъ, но и его дѣла легли мертвымъ грузомъ въ архивы Академіи. Ученые, которыхъ онъ настолько опередилъ, не

Памятникъ Ломоносову въ Петроградѣ.

могли оцѣнить его; на западѣ слишкомъ мало прислушивались къ тому, что дѣлаетъ русская наука, а у насъ—не было другого Ломоносова. Яркимъ метеоромъ явился онъ на нашемъ небѣ, и безслѣдно

исчезъ, не оставивъ по себѣ ни послѣдователей, ни учениковъ. Когда на Руси снова пришло время явиться наукамъ и ученымъ, русская химія вышла не изъ его твореній, а изъ нѣмецкой Либиховской

Могильный памятникъ Ломоносову.

лабораторіи; въ исторіи геологической науки его имя, имя автора перваго общаго очерка геологіи въ Европѣ, совсѣмъ даже не упоминается. А на развалинахъ образовательной и почти всесословной школы, для которой жилъ и трудился и за которую боролся

Ломоносовъ, на долгіе годы водворилась воспитательная, чуждавшаяся наукъ и не довѣрявшая имъ, узко-сословная школа Екатерины II и ея преемницы имп. Маріи Федоровны, а затѣмъ—и Николая I. Все это было п о с л ѣ Ломоносова... И по ту сторону этой мрачной пропасти, которая отдѣляетъ насъ отъ него, получаетъ особенно грандіозные размѣры мощная, бодрая фигура борца за науку и за просвѣщеніе,—величественная фигура въ стилѣ Петра Великаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

